

«ХОЧУ ЖИТЬ ДОЛГО»

(Михаил Небогатов и Виктор Баянов – дружба и творчество)

Как-то так сложилось, что накануне «круглых» дат принято вспоминать о юбиляре и его жизни. И это правильно. 10 июля исполняется 80 лет со дня рождения русского поэта родом из Кузбасса Виктора Михайловича Баянова. Я не претендую на глубокое научное исследование его творчества. Мне бы хотелось просто поделиться своими мыслями о нём, как о моём и моего отца любимом поэте. Попробую сложить из воспоминаний отца и своих собственных, из некоторых документов и публикаций, из раздумий поэтов и их стихов цельную картинку.

Толчком к написанию этих заметок послужило давнишнее стихотворение Михаила Небогатова (я его дочь. – *Прим. Н. Инякиной*), посвящённое брату по перу:

Виктору Баянову

Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых – молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красоты и лоску,
Они живут. Читаешь их –
И словно смотришь на берёзку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов шитьё,
а он читателям вверяет
Лишь сокровенное своё.
Он не повысит голос гневно,
Не вдастся в книжный
колорит,
А очень тихо, задушевно
О пережитом говорит.
Душой подсказанное слово
Гранит, шлифует не спеша.

И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии – душа.
...Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом
И, как всегда, застенчив, скромн,
О чём-то думает своём.
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе простоял.
Вы только чуткость проявите, –
И он тотчас же в мире строк.
– Ну, что есть новенького, Витя?
– Да написал один стишок...
Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком –
И говорит со мной Россия
Добротным русским языком.

Это стихотворение, прочитанное однажды, сразу же и на всю жизнь запало в душу – настолько простым и задушевым языком оно написано. Потом, правда, концовка изменилась, и от этого стихотворение только стало ещё лучше – теплее, ближе к душе и сердцу (вместо слова «добротным» отец поставил слово «сердечным»).

Многие стихи отца знаю с детства, а это – одно из самых любимых. И вот что меня заинтересовало – а как всё было на самом деле, в жизни: были ли они знакомы? Дружили ли? Как относились друг к другу и к творчеству? Что думали о Поэзии? Какое место в их жизни она занимала? Как они оба пришли к тому, что

стали известными не только на малой родине, в Кузбассе, но и российскими (советскими) поэтами, творчество которых любимо многими?

Вот на эти вопросы я и попытаюсь ответить.

Читая и многократно перечитывая книгу «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет» (составитель Светлана Небогатова, дочь поэта. – Прим. Н. Инякиной), поймала себя на том, что слова «Баянов» и «Витя» упоминаются чуть ли не чаще всех остальных. Зная о том, что эта книга давно уже стала раритетом и востребована сегодня точно так же, как и восемь лет назад, когда она вышла в свет, я выбрала из записей те, в которых каким-то образом упоминается младший брат по перу. Выстроила эти записи не в тематическом, а в хронологическом порядке, чтобы события шли последовательно, по нарастающей. Фамилию «Баянов» выделила жирным шрифтом, остальное оставила так, как было в Дневниках (если есть примечание редактора, то это – примечание автора-составителя Светланы Небогатовой). И вот что из этого получилось (да простят меня читатели за то, что сопоставлять и делать выводы придётся самим):

Вместо предисловия приведу главу «Об отношениях в писательской среде: дружба и соперничество»

Писатели и власть

Время, в которое зарождалась и формировалась писательская организация в Кузбассе, было благоприятным для развития молодых талантов: областные газеты довольно часто печатали не только стихи, но и большие прозаические вещи, в том числе и романы, повести, рассказы. Были большие возможности напечататься и в других изданиях, в других городах, даже в Москве, если автор проявлял активность, сам выезжал, общался с коллегами, как, например, Евгений Буравлёв: он учился в Литературном институте (со временем его окончил и Виктор Баянов). И что немаловажно, за это платили гонорар, о чём в нынешние времена многим поэтам приходится только мечтать.

Так распорядилась судьба, что в одно и то же время в одной «упряжке» писателей и поэтов оказалось немало по-настоящему талантливых людей: это Владимир Измайлов, Евгений Буравлёв, Виктор Баянов, Михаил Небогатов — поэты; Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Виталий Рехлов — прозаики; в последующем в коллектив пришли Валентин Махалов, Геннадий Юров, Владимир Матвеев – поэты; Виль Рудин, Владимир Ворошилов, Зинаида Чигарёва – прозаики...

Все они были (и есть!) яркими, незаурядными личностями с индивидуальным взглядом на творчество – своё и коллег; своими особенностями в характере и судьбе. Поэтому вполне закономерно, что отношения в писательской среде были далеко не простыми.

Какими их видел и ощущал Михаил Александрович Небогатов – об этом он откровенно говорит в своих дневниках.

...Порадовать человека добром.

1958 год, 10 ноября

Газета «Комсомолец Кузбасса» печатает сейчас отрывки из поэмы «Трудная весна» **Виктора Баянова**. Автор молодой, ему всего 24 года, по профессии – помощник машиниста (на тепловозе. – Прим. ред.). Чувствуется одарённость в его стихах. Много, правда, подражательного (в частности, в отрывках – есенинский дух), но есть и своё. Если не собьётся, не зазнается – далеко пойдёт...

1959 год, 8 апреля

23 апреля в Кемерове — межобластное совещание литераторов (томских и кузбасских), возглавлять его будут москвичи — Женя (Буравлёв) говорит, что даже фамилии их не знакомы.

Из Новосибирска приедут: поэт Леонид Решетов и Марина Назаренко (прозаик). Лично для меня они мало авторитетны. (...)

К обсуждению выдвинуты кандидатуры: из поэтов – Женя Буравлёв, Борис Тучин, **Виктор Баянов**, из прозаиков – Виль Рудин, Аида Газукина, Иван Романов. Кандидатуры (кроме Жени) не совсем удачные. Томичи могут утереть нам нос. В самом деле: **Баянов** и Тучин только расправляют крылья, Романов покушается на литературу уже добрый десяток лет, и всё с одинаковым успехом, вернее – неуспехом; Газукина написала повесть для детей об... игрушках, Рудин – детектив. И только у Буравлёва – поэма о Кузбассе, его людях, первая большая вещь в поэзии местных авторов, да и та ещё не закончена...

Впрочем, обкому (партии. – Прим. ред.) видней. Жаль, что я не чувствую себя в состоянии побывать на совещании. На нём, очевидно, будет сообщено и о том, как решился мой прием в СП (Союз писателей СССР).

1960 год, 19 октября

Вышел в свет 13-й номер нашего альманаха. В нём много интересного. Молодец Павел Иосифович (Бекшанский), умеет собирать материал, разнообразить содержание. Введена новая рубрика «Клуб земляков», под которой выступают трое бывших кузбассовцев: Иван Евдокимович Ерошин, Пётр Евстафьевич Чередниченко и Лезгинцев.

Подробно в разделе «Будем знакомы» даётся творчество **Виктора Баянова**, Юрия Сартакова и Людмилы Фадеевой. Двое мне нравятся – **Баянов** и Фадеева, Сартаков – весь в будущем, пока что манерничает.

1962 год, вторник, 4 декабря

В последнее время неплохо работается. Пишу короткие, по 8-12 строчек, стихи. Предлагал «Комсомольцу Кузбасса» десять стихотворений, выбрали для печати только три. Негусто. В этом же номере газеты опубликованы новые стихи **Виктора Баянова**. Я люблю этого поэта, но с огорчением обнаружил, что и он поддался моде, начал рифмовать орда – орла, облака – облекла, шорец – шорох и т.д.

1963 год, вторник, 18 июня

Недавно Женя позвонил из Москвы Саше Волошину и сказал, чтобы мы оформляли документы на **Виктора Баянова**. Я написал очень тёплую рекомендацию. Остальные две дали Саша (Волошин) и Виталий (Рехлов). Примут ли **Виктора**? Я бы желал, чтобы приняли. Он замечательный, самобытный поэт. Два дня назад он подарил мне свою первую книжечку «Росы», на которой написал: «Мих. Ал-чу. Был бы рад, если эта книжечка напомнила Вам Ваше детство и ту нашу русскую деревню, которая неумолимо и быстро исчезает». Значит, и он чувствует между нами душевное родство...

Понедельник, 30 сентября, утро

Недавно у меня была трёхдневная «эпопея» – в четверг, пятницу, субботу я встречался с читателями – в Доме культуры Кировского района, в Верхотомском доме отдыха и у Светы в школе (№ 62).

В Доме культуры кроме меня были: Володя Измайлов, **Виктор Баянов**, Виталий Рехлов, Владимир Матвеев. Последний прошёл на «бис», читая свои сатирические стихи, остальных не слушали, приходилось не читать, а кричать в микрофон.

В Верхотомку ездили с **Витей Баяновым** (и Мусик* с нами, как всегда) (Мусик* – домашнее имя жены Небогатова Марии Ивановны. – Прим. Н. Инякиной). Аудитория очень внимательная, благодарная. Выступление прошло хорошо, несмотря на то, что до этого отдыхающие просидели два часа на лекции о международном положении. Приехали мы туда рано, но погулять, полюбоваться природой не пришлось: моросил дождь. Сидели в библиотеке. У Светы в школе я был один. **Баянов** пообещал быть, но почему-то не пришёл. Вначале я рассказал о наших литературных делах, о своих друзьях, прочитал стихи, сперва лирические, а под конец — сатиру, которая очень дошла, вызвала оживление. Надо мне вернуться к этому жанру...

Воскресенье, 3 ноября

26 октября, в субботу в помещении филармонии состоялся вечер поэзии. Я, не любитель выступать публично, не хотел идти, но Женя очень просил – и пришлось выступить. Прочитал отрывок из поэмы о Вере Волошиной и два стихотворения из «Родных просёлков» (кстати, этот сборник был на прилавках, после вечера я подписал с десятков автографов – в основном девочкам-старшеклассницам). Кроме меня, читали стихи Володя (Измайлов), Женя (Буравлёв), **Витя Баянов**, Геннадий Юров. Мои, **баяновские** и Володины **стихи** читали также девочки из Дома пионеров.

В том же составе в среду мы были в институте усовершенствования учителей – выступали перед учителями, приехавшими на курсы из разных уголков Кузбасса. Впечатление от этой встречи осталось у меня неважное. Хорошо, тепло отнеслись учителя к **Баянову**, неплохо – к Володе, да и к Жене. А по отношению к себе я заметил какой-то холодок. Вот деталь: когда закруглились, к Жене, к Володе и к **Виктору** подошли слушатели с какими-то вопросами, мыслями. Ко мне ни у кого не оказалось никакого дела. Я постоял, покурил в стороне и ушёл. Видимо, я своим скверным чтением отбиваю интерес к моим стихам, а может быть, читаю не то, что надо...

1964 год, понедельник, 6 января

На мои «Родные просёлки» появилось две рецензии – Владимира Матвеева в сельской (районной) газете «Заря» (там же дали подборку стихов и портрет) и **Виктора Баянова** в «Комсомольце Кузбасса». Обе рецензии очень тёплые. Порадовали меня ребята.

Понедельник, 27 января

Заходил ко мне **Витя Баянов**, приносил рукопись новой своей книжки, которую хочет предложить издательству. Я с интересом прочитал её. Из тысячи строк мне не понравилось всего четыре-пять стихотворений. Сказал я ему откровенно, что считаю его очень самобытным поэтом, люблю его стихи. Он ушёл очень довольный.

Среда, 19 февраля

Вчера в отделении СП состоялось обсуждение рукописи нового сборника **Вити Баянова**. Были – Женя (Буравлёв), я, Володя (Измайлов), Мазаев (Владимир Михайлович), Матвеев (Владимир) и Юров (Геннадий) (двое последних опоздали на час и поэтому только присутствовали).

Первым выступал я. Очень тепло отозвался я о поэзии **Баянова** вообще и, в частности, о стихах, включённых в сборник. Может быть, это задало тон всем выступавшим за мной: все высоко оценили **Баянова** как поэта. Высказали ряд замечаний (разобрали все стихи, до одного). Редактировать будет Володя. Женя сказал: редка в мужчине такая лиричность, как у **Вити**.

Понедельник, 24 февраля

...Кстати, позавчера он (Измайлов) выступал по телевидению. Я слушал и анализировал каждое его стихотворение. Вывод вот какой: большее впечатление оставляют стихи образные, с конкретными картинками («Машка» – про лосиху); публицистика – бледнее. И она, конечно, нужна, но задача поэта всё-таки – показывать, рисовать. В этом – главное. Долго потом говорили (по телефону) с Володей на эту тему и во всём нашли общий язык.

Я рад нашей дружбе с ним.

Только что принесли письмо – от Александра Береснева, детского поэта, первая книжка которого выйдет в этом году. Прислал номер газеты (сельская, Промышленновского района) со своей рецензией на «Родные просёлки». Рецензия очень тёплая. Интересная деталь: все рецензенты (и Матвеев, и Глебова, и **Баянов**, и Махалов, и на этот раз Береснев) сходятся в одном: в том, что книжку написал добрый, душевный человек. О душевности же говорил и Иван Ветлугин. Видимо, это главное моё достоинство как поэта.

Суббота, 4 апреля

Вчера чествовали Виталия Рехлова в связи с его пятидесятилетием. Ездили к нему большой группой: Женя, Володя, Волошин, Блинов, Павловский, **Витя Баянов**, представители обкома партии (Карпенко) и комсомола, Анатолий Иванович Кыков (первый издатель), Банников. Была Чигарёва с телевидения с оператором, снимали на киноплёнку.

...Мы с **Витей** подарили Рехлову свои сборники. Обкомы наградили его грамотами, отделение преподнесло адрес и подарок – прибор (часы и ручка), «Комсомольцы» – билет (бессрочный) корреспондента, издательство – тоже что-то. В общем, дай Бог всякому из нас заслужить ко дню своего юбилея

такого внимания и участия. Рехлов был очень расстроган. Здоровье его совсем плохо: ноги отнялись окончательно, даже сидеть ему трудно (сидит на специально сделанном стуле...).

Иван Ветлугин прислал авторский экземпляр «Сибирских огней» за март. В нём – три моих стихотворения: «Много их», «Время» и «Встреча с поэтом». Опубликованы также рассказы Володи (Измайлова) о деду Самое, стихи **Вити Баянова** (шесть штук) и рецензия Ильи Фоякова на «Росы» (сборник Баянова. – Прим. ред.). Положительная. Я рад за **Витю**. Фояков назвал рецензию «Поэзия подлинности». Это точное название. **Витя** – поэт настоящий, подлинный, самый, может быть, талантливый из нас, кузбассовцев.

Четверг, 2 июля

...побывал на родине – в Гурьевске. Вдвоём с **Витей Баяновым**.

25 июня, ровно неделю назад, в десять часов утра мы выехали на такси из Кемерова, а в час уже выходили из машины на гурьевской автостанции. Трудно передать чувства, которые испытал я, подъезжая к родным местам, видя поля, перелески, извилистую черту Салаирского кряжа на горизонте. День был хмурый, дождливый, но, тем не менее, для меня всё сияло. Было такое чувство, что еду я навещать маму. Радость и грусть слились воедино... С автостанции пошли в горком партии. Немного посидели в приёмной, пока кончился обеденный перерыв.

Женя (Буравлёв) уже звонил туда о нашем приезде, и когда мы вошли в кабинет второго секретаря Евдокимова Алексея Тихоновича, тот встретил нас как жданных гостей. Тут же у него в кабинете стали собираться люди (предстояло провести бюро). А. Т. со всеми нас перезнакомил. Но я ещё раз убедился, что литературой интересуются немногие, знают о ней понаслышке. Вот детали: разговаривая с нами, секретарь спросил:

– Как называется ваше общество?

Это он имел в виду отделение Союза писателей.

Из-за бюро Евдокимов не имел возможности посидеть с нами подольше, но тут же дал распоряжение насчёт устройства нас в гостинице и т. д. Этим делом занялись работники горкома Барабаш (кажется, инструктор идеологического отдела, румяный, высокий молодой человек) и бывший заместитель редактора газеты Александра Петровна Пашкова, энергичная, полная, фигуристая женщина лет сорока. Барабаш тоже вскоре ушел на бюро, перепоручив нас целиком Пашковой.

Номер нам дали хороший, с балконом. Не успели мы пообедать, как меня позвали к телефону. Пашкова сообщила, что она уже распланировала наше пребывание в городе: в пятницу мы дважды – утром и в полдень – должны выступить на металлургическом заводе, в субботу — в доме отдыха, а в воскресенье – на Дне молодёжи, в бору. Я, не подумав, согласился, и из-за этого вышли неприятности...

Вечером в день приезда я повёл **Витю** в переулок, где я жил в детстве. Прошли через речушку Бачат (она стала совсем ручейком – потому что её перепрудили, сделали своё море, на котором мы, к сожалению, не побывали), миновали ряд домишек по одной стороне правого берега и вскоре свернули направо, в мой родной переулок.

Долго стояли у дома. Хоть я и не видел его двадцать семь лет, сразу же узнал его. Даже ворота узнал (один столб намного выше их уровня, так никто и не обрезал его). А под окошками появился тополь, его при мне не было. Проход на гору всё тот же, прямо из переулка, только деревья на горе поредели и не подросли ещё (говорят, их вырубали зачем-то), так что снизу виден мысок (раньше он скрывался за листвой). Огород у дома в тех же границах. Стайка — новая, бани в огороде нет. И крылечко другое; во всём этом мы убедились, войдя во двор.

На наш стук в дверь вышел заспанный мальчуган лет 15-16. Я объяснил ему, что жил в этом доме и вот зашёл посмотреть, как и что. Он с серьёзным видом кивал в ответ, дескать, понимаю... Жаль, забыл я спросить у него название переулка (раньше он назывался переулком Свободы). Но номер, по моему, всё тот же: на жестяной дощечке, прибитой к столбу ворот, значится: три. Надпись полустёршаяся, блёклая...

Много сложных, самых разнообразных чувств навеяла эта встреча с родимым кровом...

В этот же вечер в гостиницу к нам приходил местный поэт, металлург Борис Кузнецов, парень лет тридцати. Он, между прочим, не посоветовал нам идти завтра утром на завод: людям, проработавшим ночь, не до стихов.

Мы и не пошли. В пятницу, в 11 – 12 часов – телефонный звонок, от Барабаша. – Я должен с возмущением заявить, что вы сорвали мероприятие и т. д., – начал он выговаривать, но я оборвал его вежливо, начал внушать ему мысль о неразумности решения Пашковой насчёт выступления после ночной смены. Договорились, что поправим дело, сходяв на завод в четыре часа.

Около четырёх мы были на заводе. Несмотря на договорённость с горкомом, в проходную за нами никто не пришёл, пришлось провожать нас секретарю парторганизации другого цеха.

В мартене, где нам нужно было выступить, люди собрались на партсобрание. Отнимать время у людей, только что закончивших работу у печей, в страшной жаре, мы не решились и ограничились тем, что я рассказал о литераторах Кузбасса и их книгах. **Витя** в конце добавил: обычно, мол, на таких, встречах мы читаем стихи, но у вас собрание. Рабочие оживились, кто-то даже сказал: – Хорошо бы послушать. Но парторг не поддержал желания рабочих... и мы распрощались.

Утром в субботу мы, как и было условлено, пришли к горкому, куда должен был подойти автобус, чтобы увезти нас в дом отдыха. Прождали полтора часа – и решили, что хватит, видимо, автобуса не будет. Не заходя ни к Барабашу, ни к Пашковой, отправились на автостанцию узнать, нельзя ли на билеты, купленные на воскресенье, уехать в субботу. Кассира не было, и мы вернулись в гостиницу. Тут же позвонила Пашкова: – Автобус пришёл, а вас нет.

– Мы ждали, — говорю, — не можем же мы ждать целый день. И вообще, мы не намерены быть на поводе у горкома.

И тут она раскричалась, как самая вздорная баба:

– Значит, от дома отдыха вы отказываетесь, от Дня молодёжи тоже. Я буду говорить с секретарями, они позвонят Зинаиде Васильевне (Кузьминой, секретарю обкома).

Я тоже не сдержался, повысил голос и, поссорившись, мы повесили трубки.

– Вот, **Витя**, и нашли мы неприятности. Придётся объясняться с Кузьминой.

По правде говоря, мы немножко приуныли. Опять звонок. У телефона Барабаш.

– Нехорошо получается, Михаил Александрович, – спокойно и вежливо начал он.

Давно бы так. Когда со мной говорят по-человечески, нормальным тоном, я готов разговаривать и договариваться.

Минут пятнадцать мы беседовали. Он-таки согласился со мной, что выступить после ночной смены неразумно, что читать стихи в бору, на ветру, под открытым небом тоже вряд ли стоит.

– А в доме отдыха мы выступим, раз уж автобус пришёл, мы не хотим, чтобы о нас плохо думали, – сказал я в заключение.

Снова пошли к горному.

...В доме отдыха, в замечательном месте – с лесом, прудом – был как раз обед, и баянист (он вместо массовика) объявил по радио о встрече с нами.

Выступали мы в клубе, собралось человек пятьдесят. Слушали внимательно, аплодировали от души, особенно **Вите** (читает он бойко, с воодушевлением, да и стихи, конечно, говорят сами за себя). Моё чтение – какое-то деревянное, даже стихи свои возненавидел.

Потом директор дома отдыха провёл нас в столовую. Поели и пошли к автобусу...

В воскресенье мы... побродили по улицам (в городе появилось много каменных, до трёх этажей домов, которых раньше не было) – подышали тополиной метелью.

...В два выехали, а в пять вернулись в Кемерово.

В понедельник с утра я сел за стол и часа за три написал стихотворение, навеянное впечатлениями от поездки – «В гостях у детства». Получилось вроде хорошо.

Мусик дочитала до половины – и не могла читать дальше, прослезилась. Володя Измайлов, выслушав меня по телефону, тоже поздравил с удачей. Написано, говорит, на большом эмоциональном накале.

Понедельник, 12 октября

Позавчера был в издательстве. Банникова не застал, беседовал с Глебовой и редактором отдела поэзии Игорем Киселёвым. Договорились, что редактировать мой сборник будет он.

Между прочим, Киселёв передал мне рукопись первого своего сборника стихов для обсуждения его на семинаре 13-14 ноября.

Как пойдёт наша работа над «Майским снегом», трудно сказать. Что за человек Киселёв, я не знаю, впервые встретился с ним. Знаю только, что стихи он пишет традиционные, без выкрутасов. Кстати, он сказал мне, что видел в «Комсомольце Кузбасса» моё стихотворение о **Вите Баянове** и оно понравилось ему.

1965 год, воскресенье, 7 февраля

...А вчера мы с Мусиком побывали в гостях у школьников в шахтерском поселке Промышлёновка (километрах в тридцати от Кемерова).

Вечер прошёл очень хорошо. Старшеклассники организовали «Вечер поэзии». Вначале рассказали о творчестве Межелайтиса и Друниной, почитали их стихи, а потом предоставили слово мне. Я познакомил ребят со сборником «День поэзии», – в частности, со стихами **Вити Баянова**, Жени, Володи, Матвеева, почитал их стихи, особенно тепло приняли миниатюры Матвеева.

Четверг, 18 февраля

В понедельник я пошёл в издательство, как договаривались с Игорем Киселёвым. Но его на работе не оказалось. Глебова сказала мне, что Игорь собирался лечь в больницу.

...Зашел Банников, и мы втроём (Мазаев, главный редактор издательства. — Прим. ред.) начали перебирать возможных редакторов. Женя скоро уезжает на съезд – отпадает. Володя Измайлов?

– Нет, – сказал Витя (Банников), – он сам будет давить на меня насчёт своего сборника.

– А Молостнов? – напомнил Мазаев. – Нет, – ответил я. – Молостнов на всех нас смотрит свысока.

Потом я предложил две кандидатуры – Нелли Николаевны и **Вити Баянова**.

Возражений не было. Тут же Мазаев позвонил в радиокомитет, но Нелли Николаевна отказалась. Я, говорит, уважаю Михаила Александровича, но не берусь за это дело, потому что после моего редактирования сборника Измайлова редакторы издательства внесли свои исправления, т. е. свели мою работу на нет.

Остановились на **Вите Баянове**.

...После обеда я пошёл к **Вите**. Он был как раз дома. Обрадовался моему приходу (я ещё ни разу не был у него). Рассказал ему обо всём, и он согласился быть моим редактором. С оговоркой, правда – «я ведь буду больше формально. Мне стихи Ваши нравятся».

Вторник, 19 октября

Витю Баянова (наконец-то!) приняли в члены Союза писателей. Сообщение об этом появилось в «Кузбассе» в четверг 17 октября. Я сразу же собрался и побежал к нему. Но не застал – он ещё не пришёл из ночной смены.

А на другой день... вечером он пришёл...

Позавчера «Комсомолец Кузбасса» дал два его стихотворения с портретом и моим кратким словом о его творчестве. Это событие в культурной жизни Кузбасса было также отмечено по радио и телевидению.

1966 год, пятница, 28 января, утро

Да, забыл я записать в дневник об одном случае. Ещё в середине декабря Волошин, **Витя Баянов**, Олег (Павловский), Махалов и Игорь Киселёв в поездке по городам попали в дорожную аварию (врезались в стоящий на пути гружёный самосвал). Саша (Волошин) пострадал больше всех: открытый перелом ноги (до сих пор в больнице). Досталось и **Вите**: повредил плечевые связки.

Среда, 6 апреля

Витя Баянов принёс мне книгу воспоминаний о Есенине. Прочитал с огромным интересом. Да, это великий поэт! Самый мой любимый. Невольно задумываешься о своей литературной судьбе. Как мало сделано, и как всё недолговечно. Умру – и забудут меня. Хочется писать как-то иначе, предельно искренне. Но нечего мне рассказать о себе, никуда я не езжу, мало видел свет, мало впечатлений. Лишний раз убеждаюсь, что стихи интересны тогда, когда интересна жизнь поэта.

Суббота, 9 апреля

Сейчас отнёс А. И. Кыкову три стихотворения в подготовляемый им сборник «Родная природа». От него зашёл в издательство – и там мне выдали пять авторских экземпляров «Майского снега» (новый сборник. – Прим. ред.).

Обложка сборника светлая, мажорная: на голубом фоне голые берёзки и снежинки в воздухе. Большой портрет (чуть поменьше открытки), вводочка (тёплая) и автобиография.

Прочитал ещё раз все стихи – вроде неплохо. С раздумьями. Наверно, прав Игорь Киселёв, сказавший как-то (мне передавал это **Витя Баянов**), что этот мой сборник – самый зрелый, самый интересный.

Среда, 8 июня

О семинаре знаю пока по газетам, радио и телевидению.

По телевидению выступал (вместе с Измайловым) Ярослав Смеляков. Держится просто и с достоинством.

...В интервью для «Лит. России» Смеляков назвал только **Витю Баянова** (преlestные стихи) и Женю (смелые и яркие стихи).

Витя – счастливый человек: в дни работы семинара его как машиниста наградили орденом «Знак Почёта». Об этом сообщил сам Соболев. Я очень рад за Витю.

1967 год, вторник, 10 января

Витя заносил мне сборник статей Абрамовича (критика. – Прим. ред.) о литераторах Кузбасса. Работу автор проделал большую. О **Вите** – 36 страниц, немного меньше – о Жене. Измайлову и мне посвящено страниц по 15.

Меня Абрамович несколько обошёл вниманием. Его статья – это по существу рецензия на один сборник «Майский снег», тогда как, разбирая творчество других, он анализирует почти все их книги. Как рецензией я доволен, но в сборнике критика хотелось бы видеть более обстоятельный труд о моих книгах, о моей работе в целом...

Четверг, 12 октября

Ещё в понедельник получил от **Вити (Баянова)** очередное письмо (в это время **Баянов** учился в литинституте. – Прим. ред.). Пишет, что побывал в г. Чехов, в Ясной Поляне. Прислал мне кленовый листок из усадьбы Толстого. Дорогой подарок. Наводит на раздумья. Наверно, напишу стихотворение.

1968 год, четверг, 15 февраля

Купил на днях «Антологию сибирской поэзии», изданную иркутянами. В ней – 159 поэтов, семеро кузбасских: **Витя (Баянов)**, Женя (Буравлёв), Измайлов, Борисов, Саулов, Киселёв и я. Много тех, кто уже умер, кто жив, но сейчас

далеки от Сибири и связан с ней лишь творчески или когда-то работал здесь – есть даже Рождественский, Евтушенко. Каждый автор представлен короткой биографической справкой, портретом, факсимиле (на обложке) и кто – одним, кто тремя-пятью стихотворениями. Мне, как обычно, не повезло. Стихи отбирала сама редколлегия, и у меня не нашла ничего лучшего, как стихотворение «Ненастье» (из «Родных проселков»), очень заурядное, хуже многих моих пейзажных вещей. ...Столько у меня стихов в тех же «Родных просёлках» (другой книги у них, наверно, не было), неужели не могли взять что-то более яркое, весомое...

1969 год, пятница, 31 января

Вчера поздно вечером, когда уже лёг спать, осенила меня вдруг интересная мысль: подготовить и предложить нашему издательству книгу критических работ. До того захватила меня эта задумка, что долго не мог заснуть – хоть вставай и начинай рыться в бумагах.

Сегодня с утра я как раз этим делом и занялся. Пересмотрел все газетные рецензии, статьи, обзоры, вспомнил, что даже в журнале «Сиб. огни» выступал однажды с весьма интересной статьей «О стихах и простом читателе» – и её сюда же.

Сделал примерный подсчёт страниц – двести с небольшим вышло, это где-то 10 печатных листов. Солидная книга (у А. Ф. Абрамовича его литочерки «На своей земле» – 8 печатных листов).

Что получается? Оказывается, если говорить откровенно, никто из кузбасских литераторов (поэтов, прозаиков) не занимается критической работой в таком объёме, как я. Добрый десяток книг прорецензирован мною в течение 12-15 лет, среди них книги **Вити (Баянова)**, Жени (Буравлёва), Иг. Киселёва, Мих. Борисова, Пинаева, Вани Сокола, И. В. Зыкова, Ген. Юрова, Ст. Рыбака, Измайлова, Толи Саулова, нескольких молодых (точнее – начинающих), москвичей – С. Смирнова, Межирова, Анциферова. Есть также много интересных стихотворных обзоров, частных консультаций, заметок. Всё это, разумеется, при перепечатке я буду редактировать – сокращать, углублять какие-то высказывания, устранять повторения одних и тех же или сходных мыслей и т. д.

Замысел очень и очень увлекательный. Но... согласится ли издательство издать такую книжку? Вот вопрос. Убеждать, настаивать я не умею, а ведь это – своеобразная летопись литературной жизни Кузбасса! (Замысел отца – издать книгу о Поэзии – практически осуществился: в 2012 – 2013-м гг. мною подготовлена к печати трилогия «Известный неизвестный Небогатов», куда и вошли все те обзорные статьи, литературные консультации, рецензии и критические статьи, о которых он писал. – Прим. Н. Инякиной).

Вторник, 18 марта

8 марта «Кузбасс» вышел с подборкой «Кузбасские поэты – женщине». В ней – лучшие стихи ребят (все – из сборников, так сказать, апробированные). Я предложил из сборника «На берегах Томи» – «Много в мире прекрасного». По поводу этой публикации в редакцию пришла открытка. Вот что пишет её автор, читатель Ковалёв (Кемерово): «Прошу выразить нашу признательность

М. Небогатову за его стих. Очень красиво – лучше остальных поэтов в сегодняшней газете». «Остальные» – это Женя (Буравлёв), **Витя (Баянов)**, Гена Юров, Игорь Киселёв, Валентин Махалов.

Красиво – ёмкое слово. Я тоже за то, чтобы стихи были красивыми – по форме, по звучанию, по настроению.

1971 год, четверг, 7 октября

Мои юбилейные дни прошли хорошо. 1-го была передача по телевидению, в которой приняло участие десять актеров облдрамтеатра. Сперва читали мои стихи, потом Женины. Единственный недостаток передачи – незаметное разграничение между его стихами и моими.

Были в стихах и мелкие накладки, потому что читали наизусть. А в общем, ничего.

«Кузбасс» опубликовал статью Анатолия Борисова за двумя подписями (с Володей Зулиным, организатором этого дела) и три моих стихотворения. Через два дня подборку стихов с небольшой вводкой и дружескими пародиями, вернее, подражаниями Ильи Ляхова представил наш «Комсомолец Кузбасса». Там и здесь – с портретами.

А 5 октября, как раз в день моего рождения по метрикам, состоялось чествование меня.

За полчаса до начала зашёл за мной **Витя Баянов**, об этом попросил его Мазаев, чтобы сразу же, ещё дома, я почувствовал себя среди друзей. Пришли в редакцию («Кузбасса»), разделись в кабинете Эли (Суворовой), покурили. Зашёл туда Алексей Фёдорович Абрамович, побеседовали с ним. Потом, когда все собрались в актовом зале, Мазаев пригласил нас туда.

У двери в зал первым поздравил меня зав. отделом агитации и пропаганды обкома партии Михаил Леонтьевич Карпенко, а с ним Степан Ефимович Вагин. Мусик (жена) с Сашей (сыном) уже сидели в зале (Вова был в институте), и она потом рассказывала, что вид у меня, когда мы вошли, был немного растерянный. Волновался я сильно... Но вот сели за стол, я оглядел собравшихся, увидел знакомые лица (Рудольф, например, приветливо улыбался и кивал мне) (Теплицкий. – Прим. ред.) и постепенно успокоился.

1972 год, суббота, 11 ноября, вечером

...**Витя (Баянов)** почитал нам с Мусиком венок сонетов «Поле». Хорошо получилось у него, как я и предполагал. Форма, её сложность не помешала **Вите** сохранить свою творческую индивидуальность – простоту, задушевность, колоритный народный язык.

Почитал и я ему свои сонеты. По своему обыкновению, он не выразил никаких особых эмоций, только заметил, не подумать ли мне о разнообразии сонетных форм, чтобы книга не вышла монотонной. Подумаю.

1973 год, четверг, 20 сентября

Получил из «Сиб. огней» от Романова неприятное письмо: из посланных сонетов редколлегия ничего не отобрала.

Неужели – возникает сомнение – я переоценил свои сонеты? Ведь всё в них самое сокровенное, пережитое, пережитое, пережитое. Думаю всё же, что подвела меня форма. Один и тот же размер при чтении создаёт впечатление монотонности, какого-то однообразия.

Посмотрим, как оценят книгу собратья. Сейчас они её читают, скоро в Союзе должно состояться обсуждение, которое предложил я сам.

Настроение неважное. Первый день сегодня по-осеннему ненастный: тёмные низкие тучи, ветер, шумят тревожно ещё не совсем пожелтевшие листья, моросит. Всё это настраивает на какую-то безнадежность, непонятную печаль. Очень угнетает творческое бесплодие. В стихах – вся радость жизни, а они не пишутся.

В чём же дело? Не могу понять.

Среда, 3 октября, вечером

Часов в двенадцать пошёл в Союз писателей за деньгами по больничному листу и у магазина встретил **Витю (Баянова)**. Он охотно согласился сходить вместе со мной, после чего мы зашли ко мне. Сидели часа три, говорили о литературе, о стихах. Он почитал мне кое-что из новой главы лирического репортажа, а я ему – некоторые новые стихи. Странно он ведёт себя как слушатель: ничего в ответ, только кивает головой. И никак не поймёшь, что он думает об услышанном. Себе на уме. Много раз я уже давал себе слово – ничего не читать ему и всё не удерживаюсь. Больше не буду. Только на сомнения в себе может навести всё это. А работать надо с уверенностью, что всё идёт как надо. Иначе нельзя.

Вторник, 4 декабря, полдень

Писательское собрание прошло неинтересно для меня, тема: рабочий класс. Это – для прозаиков. Мои собратья к книге сонетов отнеслись равнодушно: плюсом отметили штук пять-семь. Обижен я и на **Витю**, и на **Махалова**.

1974 год, понедельник, 10 сентября, полдень

4-го утром позвонил мне **Витя Баянов**:

– Слышал уже?

– Что?

– Женя умер.

Оказывается, накануне вечером Лена (жена Буравлёва. – Прим. ред.) привезла его домой (из больницы). Ночью ему стало плохо, вызвали сестру сделать укол, а в пять утра он скончался.

Гроб с телом на третий день 6-го был выставлен там же, где и Юры Баландина, – в вестибюле редакции «Кузбасса». Много было народу, много венков...

Я, конечно, постоял в карауле (с Володей Матвеевым, в головах, в самом начале панихиды). Перед выносом из помещения гроба состоялся краткий митинг.... Говорил хорошо...

Потом я прочитал своё стихотворение, посвящённое памяти Жени. За мной читали стихи Игорь Киселёв и Володя Мамаев (поэт-фронтовик, «сын полка». – Прим. ред.). ...Венок от СП несли мы вдвоём с Чижарёвой... На

кладбище не поехал – неважно себя чувствовал. В книгу прощания (хорошо, с любовью оформленную, в переплёте, с портретом) я по совету Таи Шатской (журналист газеты «Кузбасс» – Прим. ред.) первым записал заключительное четверостишие своего стихотворения:

Продолжает жизнь своё движенье,
И стихами, стопкой добрых книг
Ты сумел, наш незабвенный Женя,
Отбросить у вечности свой миг.

Хорошая концовка и в стихотворении Игоря (Киселёва):

(Что-то та-та-та-та) погода.
Хмуро небо. И дождь без конца.
Но прислушайтесь: это природа
Своего провожает певца.

Или: небо в тучах.

Правда, тут не всё точно: певцом природы Женю назвать нельзя. Он был певцом рабочего класса, людей труда.

Один за другим уходят хорошие люди. «И чей-нибудь уж близок час...».

1975 год, вторник, 28 января, под вечер

На собрании в Союзе видел **Витю Баянова**. Окончательно убедился: он ко мне почему-то совершенно охладел, потерял интерес. Ну и бог с ним. Я со своей дружбой навязываться не стану. Отвернулся он – его дело...

1976 год, 25 декабря, суббота, 4 ч. утра

Всю прошедшую с 13 по 18 декабря неделю в Кузбассе проходили дни советской поэзии. Я... чувствую себя неважно, поэтому участия в этом не принимал. Георгий Марков привозил с собой большую группу литераторов. Среди них – Людмила Щипахина, Светлана Мекшен (не знаю такую), Щуров из Донецка, Валентин Сорокин, Кайсын Кулиев, Кругляк с Украины, Александр Филатов. Это всё поэты. Из прозаиков: Владимир Попов, Свиридов, сатирик Борис Ласкин, секретарь СП Верченко.

Из наших ребят с ними выступали: **Витя Баянов**, Игорь Киселёв, Гена Юров. Все разделились на три группы, ездили по области, часто оставались в Кемерове.

Почему-то совершенно в стороне остался Саша Волошин, нигде в отчётах о нём – ни слова. Был только на открытии в театре оперетты, и то не выступал (я смотрел это по второй программе телевидения).

Не везёт мне. Из-за болезни всё остаюсь за бортом важных событий. Будут об этих днях отчёты в центральной печати, и получится так, что в Кузбассе как будто и нет такого поэта – Небогатова.

Ну, ладно, это не так важно. Как и кто напишет рецензию на мою книгу – вот что сейчас волнует меня. Как её встретят читатели, не залежится ли на книжных полках, чего, в общем-то, никогда с моими сборниками не случалось.

1977 год, 18 января, вторник, 2 ч. дня

...сказал, что видел в книжном магазине мой сборник.

На другой день с утра я был уже в магазине. Купил шестьдесят экземпляров (попросил в белой обложке). Книга полиграфически издана прекрасно. В середине – в окружении тиснёного серебряного орнамента в две строчки, сжато: «Земной поклон», внизу на чистом поле, тоже в две строки, крупно: «Михаил Небогатов», на обратной стороне обложки – тоже маленькое тиснение: пейзаж с месяцем.

Обложек в тираже – три варианта. Есть ещё серый фон и золотое тиснение, есть всё серое – и фон, и орнамент. Только «Земной поклон» – эти слова на всех вариантах красной краской. Трудно сказать, какой из них лучше, все, по моему, смотрятся одинаково хорошо.

Утром сегодня позвонила Глебова, попросила прийти за авторскими экземплярами...

Какой будет отзыв – нельзя и предположить; как бы там ни было, я просто счастлив, переживаю в эти дни великую радость. Такого красивого томика (из десяти) у меня ещё не было.

В воскресенье «Кузбасс» дал мои краткие заметки о **Витиной (Баянова)** книжечке «Гость» – «Хороший подарок». Сейчас он звонил мне, благодарил. «Гость» этот недолго гостил на книжных прилавках – разобрали в несколько дней (тираж-то маленький, всего пять тысяч). **Витя** даже не успел запастись хотя бы небольшой стопкой.

1978 год, 30 мая, вторник, 11 ч. утра

В сегодняшнем номере «Кузбасса» на третьей странице в левом углу некролог с портретом Саши Волошина, подписанный рядом партийных и советских работников, начиная с Горшкова (первого секретаря обкома КПСС. – Прим. ред.). Из числа писателей некролог подписали: Мазаев, **Баянов**, Небогатов, Ворошилов, Емельянов.

Всё сказанное о Саше – по большому счёту, например: «Страстное, неразрывно связанное с жизнью тружеников Кузбасса творчество А. Н. Волошина явилось весомым вкладом в советскую литературу». Лично я всегда смотрел на Сашу как на большого писателя. Он был писателем по-настоящему... – и по эрудиции, и по принципиальности, и по всему внутреннему и даже внешнему облику.

30 октября, понедельник, 1 ч. дня

В пятницу в Союзе писателей состоялось собрание на тему «Литература и жизнь». С кратким вступительным словом выступил Игорь Киселёв. Он говорил о необходимости быть гражданственным в своих произведениях, как положительный пример привёл повести Мазаева и Чигарёвой, которые остро ставят проблемы современности. Критически отозвался о работах, в которых темы берутся в ретроспекции (Волошин, Махалов в прозе), в качестве вневременных произведений отметил некоторые мои последние стихи и особенно книгу Ник. Колмогорова.

Выступали многие. Очень пространно говорил Цейтлин (Евсей Львович, критик. – Прим. ред.), а большинство свели разговор к бытовщине – к благу, карьеризму и т. д.

Выступил и я. Основные мысли были такие. Прежде всего надо учитывать склонность того или иного автора к чему-то – к лирике или публицистичности. И главное не в том, о чём мы пишем, а как пишем – талантливо или бездарно. И лирика, и публицистика – всё это зависит от степени одарённости поэта, прозаика. Взять Роберта Рождественского – на мой взгляд, он откровенный халтурщик от литературы. Популярность его – дутая. А между тем есть в советской литературе ещё один Рождественский – Всеволод Александрович, прекрасный поэт. Но его даже во внимание не берут. Говорят, например, по радио: музыка такого-то, стихи Рождественского, не упоминая даже имени (Роберта), тем самым как бы подразумевая, что у нас один настоящий поэт, всем известный – Роберт. А он как раз поэт мнимый.

Моё полемическое выступление всех задело за живое, все оживились и все были согласны со мной. Что касается вневременных стихов, то я сослался на Тютчева, Фета, на современных отличных поэтов Анатолия Жигулина, Виктора Каратаева, **Витю Баянова**, на Николая Рубцова, в поэзии которого много чисто есенинских мотивов. И стихи, написанные как бы вне времени, могут жить в народе, если это подлинно художественные, поэтические вещи. И тут многие согласились со мной.

1979 год, 29 августа, среда, 6 ч. 30 м. вечера

Вчера по просьбе Глебовой ходил в издательство. Подписал договор на сборник «Лето».

...Редактором моим назначен **Витя Баянов**; и я этого хотел, и Глебова решила так же, потому что **Витя** не только прочитал рукопись, а отнёсся к ней творчески, как поэт: предложил варианты своих строк – и везде к лучшему.

20 ноября, вторник, 4 ч. 15 м. дня

Поступил в продажу коллективный сборник «Дыхание земли родимой». Издан просто отлично, не хуже, чем московский (печатался в Омске). В нём – тридцать пять авторов. В нём моих стихотворений – двадцать одно, 452 строки. Это почти столько же, сколько у **Вити Баянова**, Игоря Киселёва (больше всех по объёму – у Гены Юрова, отрывки из нескольких поэм).

Предисловие написал Василий Фёдоров, в художественность, поэтичность стихов он не стал вникать, говорит в основном о своём общем впечатлении от содержания книги. Редакторы-составители **В. Баянов** и **Т. Махалова**, редакционная коллегия – **М. Небогатов**, **В. Мазаев**, **З. Чигарёва**, **В. Зубарев**.

7 декабря, пятница, 11 ч. утра

Напрасно Мусик (жена. – Прим. ред.) как-то выражала неудовольствие тем, что много стихов я посвящаю поэтическому творчеству. Позавчера вечером я попросил её почитать и отобрать лучшее из большого цикла (стихотворений тридцать), Мусик отобрала пятнадцать восьмистиший. Я доверился её вкусу и всю эту подборку отнёс вместе с пародией на **Виталия Крёкова** в «Комсомолец Кузбасса». **Женя Красносельский** (зам. редактора. – Прим. ред.) встретился мне ещё на улице, попросил меня оставить пародию у него на столе. Тут же я положил подборку «Творчество» с припиской: «Г. Юрову».

Сейчас Гена звонил мне. Меня очень порадовал его отзыв: подборка глубокая. И чтобы она не затерялась на газетной странице, Гена предложил

мне отдать её в альманах. Я согласился. Гена сказал, что сегодня же занесёт её Куропатову или Донбаю как член редколлегии альманаха со своей рекомендацией и одобрением.

...Вот ещё о чём подумал я, узнав отзыв Гены. Он поэт не менее талантливый, чем **Витя Баянов**, но в отличие от **Вити** не так придирчив, не так категоричен, что ли, в своем подходе к работе собратьев по перу.

1980 год, 18 марта, вторник, 4 ч. дня

Прочитал сборник Алексея Томилова «Красно яблоко»*. (М. Небогатов написал рецензию на эту книгу под названием «Как в чистой горнице...». См. «Комсомолец Кузбасса», 1980, 4 мая, с. 4. – Прим. Н. Инякиной). Порадовался и даже по-хорошему позавидовал. Деревню он знает досконально, до малейших мелочей. Правильно говорит в предисловии **Витя Баянов** (он же и редактор): «Лучшие стихи Томилова – густы, красочны».

Такой вот густоты не хватает многим моим восьмистишиям. Надо это учесть.

31 мая, суббота, 9 ч. 30 м. утра

Вчера в СП (Союзе писателей) состоялось собрание с повесткой дня: выборы делегатов на всероссийский писательский съезд (в декабре). Зин. Ал. Чигарёва назвала Мазаева, а я **Витю Баянова**, так и утвердили их.

1981 год, 28 января, среда, 11 ч. 30 м.

Вчера вычитал и подписал гранки сборника «Лето» (опечаток немного). Книжка получилась небольшая, всего 124 страницы, но стихотворений, если учесть, что все они – летние пейзажи, набралось довольно много – 80. ...Ещё о сборнике «Лето». **Витя Баянов** написал к нему хорошее, умное предисловие.

19 сентября, суббота, 3 ч. дня

...Донбай отдал мне свой экземпляр альманаха «Огни Кузбасса» № 3 (июль-сентябрь), в нём четырнадцать моих стихотворений под общим заголовком «Год за годом»... Подборка с портретом, её предваряет вступительное слово **Вити Баянова**...

16 октября, пятница, 4 ч. 30 м. дня

О своих юбилейных днях.

5 октября, в день моего рождения по паспорту, с утра позвонили из приёмной секретаря обкома партии Петра Михайловича Дорофеева; вскоре он сам взял трубку и поздравил меня. Кроме этого, звонков было много. В частности, поздравил меня с юбилеем председатель областного Совета ветеранов войны Никита Фёдорович Махов. Чеканил по-военному и, судя по всему, по написанному тексту – настолько литературно-торжественно.

В полдень этого же дня по радио прозвучало выступление Вали Махалова о моём творчестве. Всё он расставил по местам — и трудное наше сближение, связанное с его критикой в мой адрес в годы, когда он был молодой и хотел утвердить себя, и о простоватости моих стихов, в которой некоторые упрекают меня, сказал веско: это не простоватость, а высокая простота.

К пяти часам мы с Мусиком пошли в Дом печати. Там уже были Вова и Гриша (сын и брат. – Прим. ред.) (я приглашал его).

Владимир Михайлович (Мазаев) специально для этого вечера прервал свой отпуск (подготовку к этому вечеру он поручал Гене Юрову), и он открыл торжества, Мурика тоже пригласили за стол, сидела рядом со мной.

Памятные приветственные адреса вручили: от отдела культуры обкома партии (Мария Владимировна Лобач), от горкома партии, от областного управления культуры, от областной научной библиотеки, от облкниготорга, от комитета по телевидению и радиовещанию (Нелли Николаевна Соколова), отдельно от радиокомитета (Коньков), от редакции «Кузбасса» (Ивачёв, он зачитал текст адреса, и Эля Суворова, которая преподнесла мне подарок – две ручки, одна из которых с золотым пером), от редакции «Комсомольца Кузбасса» (Синявский, он вручил ещё и подарок – настольные часы); от издательства (Банников); от Союза писателей (Игорь Киселёв прочитал отлично написанное им стихотворное приветствие мне, а **Витя Баянов** подарил наручные электронные часы...).

1982 год, 9 октября, суббота, 5 ч. вечера

Из Иркутска по моей просьбе прислали коллективный сборник стихов под названием «Земля потомков Ермака» с подзаголовком «Сибирь в русской лирике» (издан к 400-летию присоединения Сибири к Российскому государству). Кузбасс представлен стихами – двумя моими «Нестареющая, вечная» и «Капризы зимы», **Вити Баянова**, Жени Буравлёва, Игоря Киселёва (по одному стихотворению), а также Владимира Чугунова – он тоже наш, кузбасский. Есть тут и стихотворение Измайлова, но он давно уже не наш. Всего в книге сто тридцать четыре поэта – от Пушкина до Твардовского. Рядом с этими вершинами и мы – небольшие горки и холмы. Жаль, что маловат тираж – всего 10000 экз.

1983 год, 4 февраля, пятница, 3 ч. дня

Вчера в СП состоялось отчётно-выборное собрание. Доклад Владимира Михайловича (Мазаева) был большой, глубокий, интересный. В нём была дана очень высокая оценка моей поэтической работы в связи со сборником «Лето». Как выразился Влад. Мих., о Михаиле Небогатове хочется сказать особо. Ни о ком другом так же доброжелательно не было сказано, хотя обзревалося несколько сборников.

Спорили, перепирались, почти ругались так горячо, что у Петра Михайловича Дорофеева (секретаря обкома партии) не выдержали нервы: он вынужден был сказать, что если так будет продолжаться, я, мол, встану и уйду. Гена Юров как председатель извинился перед ним, сказал, что постараемся вести себя спокойнее, а Вас, Пётр Михайлович, просим побыть с нами до конца.

...Выступал наш куратор из правления СП РСФСР писатель Валентин Григорьевич Гузанов (он говорил о разных оргвопросах).

...Секретарем писательской организации по предложению Петра Михайловича избрали Гену Юрова, председателем ревизионной комиссии по предложению моему и Володи Матвеева – Виля (Рудина).

...На собрании Владимира Михайловича нападками довели до полного морального и физического изнеможения. Поэтому я сегодня позвонил ему, побла-

годарил за высокую оценку моего творчества и пожелал быстрее войти в рабочую форму, пожелал успехов. Почти уверен, что мой звонок ему был единственным (перестал быть секретарём – и все отвернулись от него), и потому мои добрые слова, наверно, очень порадовали и подбодрили его.

Звонил мне сейчас **Витя (Баянов)**. Даже по телефону мы хорошо, как всегда, поговорили, во всём у нас полное единодушие.

9 июня, четверг, 8 ч. 30 м. вечера

...Теперь мне предстоит самая трудная и неприятная полоса в подготовке рукописи (сборника «Земля моя добрая». – Прим. ред.) к печати: доработка восьмистиший по замечаниям **Баянова** (рецензента. – Прим. ред.) и Глебовой. На ум приходит сопоставление: если кто-то настойчиво будет твердить тебе, что ты – дурак, то и сам усомнишься: а не дурак ли я в самом деле? Отрицательное отношение к восьмистишиям со стороны **Баянова** и Глебовой (редактора. – Прим. ред.) настолько категорично, что я и сам начинаю ненавидеть эти стихи – плод четырехлётней систематической работы. Неужели все эти четыре года я тратил силы не на то, что надо?

8 июля, пятница, 11 ч. 30 м. утра

...Главным в этой книге («Земля моя добрая». – Прим. ред.) будет, конечно же, повесть; недаром **Баянов** отметил в рецензии, что она «в основном написана мастерски, свободно, с хорошей лёгкостью слога, с тонким проникновением в характер персонажей».

2 августа, вторник, 1 ч. 40 м. дня

...А в четверг, 28 июля, по радио под рубрикой «Сибирская лира» прозвучала моя лирика – девять восьмистиший (72 строки). Все стихи хорошие, хотя все они забракованы **Баяновым**.

14 октября, пятница, 1 ч. дня

Вчера перед концом рабочего дня позвонила Глебова и сообщила такую неожиданную для меня новость.

На днях заходил к ней **Баянов** и сказал, чтобы она узнала, не согласен ли я ещё посидеть с ним над рукописью сборника, чтобы подготовить часть забракованных им стихов. Я сказал, что подумаю.

...Думал я недолго, согласился... Моя работа с **Баяновым** ускорит дело.

10 ноября

Сейчас отнёс в издательство подготовленную к печати рукопись «Земли моей доброй». **Витя (Баянов)** из забракованных им ранее стихов отобрал ещё 12 восьмистиший, 10 – пейзажных и 2 – на разные темы. Как редактор руку он приложил крепко, за что я ему, конечно, очень благодарен. Он рецензией и убил меня, и он же своей помощью возродил книгу.

1984 год, 30 марта, пятница, 7 ч. 30 м. вечера

У **Вити Баянова** сегодня приятный, я бы даже сказал, счастливый день – получил в издательстве десять авторских экземпляров своего сборника избранного под заголовком «Зазимок». Я поздравил его по телефону с этим событием. Для его юбилейной подборки стихов в третьем номере альманаха по просьбе Союза писателей я написал вступительную статью. Получилось две с половиной страницы. Валера Зубарев сказал: многовато, придётся подсократить. Я

попросил его отнестись к этому сокращению бережнее, как к своей работе. Он обещал.

9 апреля, понедельник, 7 ч. 30 м. вечера

Вчера Витя приходил ко мне, принёс свой томик «Зазимок» с дарственной надписью: «Дорогому моей душе Михаилу Александровичу Небогатову, старинному другу – с пожеланием всего самого доброго». Так, с отчеством, он называл меня в автографе только первого сборника «Росы» (1963 г.), когда у нас состоялась самая первая встреча, на всех других надписях он называл меня Мишей.

И вот опять почему-то официально повеличал. И вообще он после нашей размолвки после его рецензии на рукопись моих восьмистиший стал как-то более сдержан, замкнут, нет в его отношении ко мне прежней обычной раскованности, душевной открытости. Что-то всё-таки недоброе внесла эта рукопись в нашу крепкую дружбу. А жаль. Я всё простил ему.

21 апреля, суббота, 12 ч. 30 м. дня

19 апреля, находясь в Ессентуках на лечении, умер Василий Федоров. Об этом сообщил мне **Витя Баянов**. Он же сказал, что теперь мы лишились своего опекуна в московском секретариате, без Федорова, мол, едва ли приняли бы в Союз многих...

7 мая, понедельник, 8 ч. 30 м. вечера

Сегодня на прилавках центрального книжного магазина появилась «Земля моя добрая».

Надо запомнить это число, т. е. 7 мая, и проследить, за какой срок разойдётся эта книжка. По наблюдениям **Вити Баянова**, в последние годы интерес к поэзии у читателей поубавился. Будет своего рода соревнование: **Витина** книжка продаётся уже с месяц, интересно, чью быстрее раскупят...

19 августа, воскресенье, 11 ч. 45 м. утра

...к шести часам были дома. Через сорок пять минут началась телепередача «Кузбасс литературный». Первым выступал Гена Юров, за ним я. Между прочим, Гене изменила память: он сказал, что поэзия в Кузбассе началась с Буравлёва. Это далеко не так. Первый сборник Жени, который редактировал я (назывался он «Кладоискатели»), вышел в 1956 году, к тому времени у меня было уже две книжки: «Солнечные дни» (1952 г.) и «На берегах Томи» (1953 г.). А ещё раньше – в 1947 году – вышла первая поэтическая книжка Алёши Косаря «Углеград». Правда, Алёша так и не вошёл в литературу, значит, поэзия началась с меня.

Запись наших выступлений велась безо всякой репетиции, и я мог бы, если бы она (репетиция) была, сказать обо всём этом Гене, а так мне было неудобно навязываться в зачинатели поэзии в Кузбассе, и я не стал поправлять в своём выступлении Гену. Но телезрители, наверно, поняли, с кого и что начиналось, потому что всё моё выступление основывалось на литературном, ещё довоенном прошлом.

Звонил вчера **Витя Баянов**, я рассказал ему об этом. Он согласился со мной, Женя, говорит, начал примерно в одно время со мной, тут Гена нарушил историческую правду. Я как-нибудь поговорю с Геней об этом, а то он ещё где-нибудь, скажем, в статье, повторит свою ошибку.

Обо мне на телевидении он сказал тепло: я, мол, ещё в юности читал стихи Михаила Александровича, любил их и не думал, что нам вместе придётся сегодня, на юбилее Союза писателей, выступить.

Витя Баянов прочитал два новых стихотворения из трёх, написанных под впечатлением от поездки на родину Шукшина – в село Сростки.

24 ноября, суббота, 12 ч. 15 м. дня

За полтора дня по заказу Глебовой для книги стихов и поэм Жени Буравлёва (выход – в будущем году) написал воспоминания о нём — подробно рассказал, как редактировал его первый сборник «Кладоискатели»; само собой, описал первую встречу с ним в издательстве, дал несколько отрывков из писем Жени ко мне — всё о работе его над лучшей своей вещью, поэмой «Красная горка», коротко рассказал о посещении его вместе с **Витей Баяновым** в больнице (за три дня до кончины Жени). Когда вслух читал Мусику это место, дыхание перехватило, голос пропал, и мы оба с Мусиком всплакнули.

По объёму воспоминания краткие – шесть с небольшим страниц. Людмиле Владимировне они понравились...

1985 год, 7 марта, четверг, 8 ч. вечера

...я отправил сегодня в Гурьевск бандероль. Дело в том, что 15 марта будет отмечаться 50-летний юбилей гурьевской городской газеты «Знамя Ильича». В письме на имя её редактора Всеволода Алексеевича Логинова я сообщил, что Гурьевск – моя родина, там я родился, рос, учился в школе № 1, в этой газете, кажется, в 1936 году я опубликовал своё первое стихотворение – отклик на гибель первого в стране самолета-гиганта «Максим Горький». К письму приложил фотокарточку, «официальное» поздравление коллектива редакции и три нигде ещё не публиковавшихся стихотворения к 40-летию Победы: «Ротный», «Смертная метка» и «По пути к передовой». Сообщил также, что жил в доме № 3 в бывшем переулке, ставшем позднее улицей Свободы (этот дом, возможно, до сих пор в сохранности, во всяком случае, таким он был на месте, когда мы с **Витей Баяновым** в 1964 году приезжали в Гурьевск).

6 октября, суббота, 7 ч. 15 м. утра

...3 октября – день рождения Есенина (90-летие). Эту дату Тамара Махалова отметила с моими братьями – **Витей Баяновым**, Володей Матвеевым и Володей Ивановым – передачей по телевидению (приглашала и меня, но я воздержался...). Передачу я смотрел. Она мне понравилась, особенно тем, что ребята читали стихи Есенина – иные очень длинные – не по книжке, а наизусть, по памяти. Я бы так не смог...

1986 год, 26 февраля, среда, 10 ч. утра

Своей книге (новой. – Прим. ред.) стихов я решил дать название «Вечерние огни» (есть у меня об этом стихотворение). Такой заголовок не нов – был у Фета, но это ничего. У Леонида Андреева была драма «Жизнь человека», а Ваншенкин не побоялся же дать точно такое название книге стихов, за которую получил недавно Государственную премию СССР. В названии «Вечерние огни», как у **Вити (Баянова)** в «Зазимке», – намёк на возраст: у меня дело к ночи, у него – к зиме.

1987 год, 24 февраля, вторник, 12 ч. 35 м. дня

В поликлинике... встретил и Витю Баянова. Посидели рядом в ожидании очереди, немного поговорили — в основном о своих хворях, о житейских делах. ...О моём сотрудничестве с «Нашим современником», о премии, об «Аккордеоне» Витя не обмолвился ни словом – видимо, для него всё это ничего не значит. Не пойму я – высокомерие тут или равнодушие, безразличие...

Прочитает читатель эти записи и скажет: что же Вы, голубушка, не убрали строки, где явно и неприкрыто показана обида Михаила Небогатова на своего младшего собрата по перу за охлаждение в отношениях, за, может быть, обидную критику? А я отвечу так: история не терпит сослагательного наклонения, и из неё не выкинешь того, что было, не перепишешь заново, – иначе уйдёт правда жизни и подлинность, и уже будет непонятно, так как же на самом деле всё было. И ещё одну фразу употреблю: «Кто, если не друг, скажет тебе всю правду, какой бы горькой она ни была?». В этих записях оба предстают живыми людьми, и как у всякого, случались у них взлёты и падения, и настроение не всегда было безоблачным и радужным, а это сказывалось и на отношениях, и на творчестве.

Не думаю, что мне нужно что-то приводить в качестве, как иногда говорят, «железобетонных» доказательств того, что, несмотря ни на что, Михаил Александрович и Виктор Михайлович оставались друзьями. Даже разница в возрасте им не мешала. И обращались они друг к другу на «ты». Посмотрите-ка, какие тёплые и сердечные, товарищеские и, вместе с тем, профессионально требовательные слова находили они для предисловий к книгам друг друга, какие рецензии писали, какие отклики делали. Приведу здесь лишь некоторые из них:

Баянов, Виктор Михайлович. МОЯ ЗЕМЛЯ. Стихотворения / Предисловие М. Небогатова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. – 92 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОДЛИННОСТЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВА

Литературная судьба Виктора Баянова сложилась счастливо. Читатели узнали и полюбили его стихи задолго до выхода первой книжки «Росы» (1963 г.), по публикациям в областных газетах.

Сборник лирики «Росы» открывается стихотворением, которое, как мне кажется, точно выражает творческий «секрет» поэта:

*Не знаю, в восемь или в семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней
Я полюбил вот эту землю
И всё цветущее на ней.*

Вот об этой любимой земле и обо всём цветущем, прекрасном на ней и пишет поэт проникновенные, задушевные стихи.

Виктор Баянов – единственный, пожалуй, в Кузбассе литератор, о котором говорят и пишут только похвально. Причина этого – не в каком-то особо бережном отношении к поэту, а в его самобытном, ярком таланте. И ещё в том, что работает он неторопливо, вдумчиво и, как правило, не предлагает в

печать того, что могло бы вызвать нарекания. Это, конечно, не значит, что стихи даются Баянову легче, чем другим, что ему незнакомы творческие муки и сомнения. Скорее наоборот, ибо, чем талантливее поэт, тем он требовательней к себе.

Главная черта баяновского таланта – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое бы родилось из какой-то невыстраданной, но эффектной мысли, ради искусственного образа или соблазнительного поэтического приёма. Лучшие стихи Баянова – это свидетельство личного опыта. Именно поэтому его поэзия так лирична, так привлекательна своей неподдельностью, подлинностью мысли и чувства. Сколько ещё печатается стихов грамотных, умных и вместе с тем лишённых той душевной «живинки», которая и делает стихи поэзией...

Я, как и многие, люблю Виктора Баянова – прекрасного поэта и человека, часто перечитываю его стихи, которые доставляют мне истинное эстетическое наслаждение своей простотой, целомудренной чистотой и неброской красотой.

После выхода в свет второго сборника стихов «За рекой Талиновой» (1965 г.) он стал членом Союза писателей, но продолжает трудиться на производстве: он машинист тепловоза на Новокемеровском химкомбинате. Здесь Виктор стал коммунистом и за свой многолетний образцовый труд он в числе лучших химиков удостоен в 1966 году высокой правительственной награды – ордена «Знак Почёта».

Стихи Виктора Баянова в конце минувшего года удостоились чести прозвучать и за рубежом – в Германской Демократической Республике, куда Баянов был направлен с делегацией молодых писателей России.

У стихов каждого настоящего поэта – особый аромат. Читаю:

«За рекой Талиновой, за мельницей
Земляником крашены холмы...»

и сразу настраиваюсь на «баяновскую волну». Да, это его мир – ничем не приметная русская деревня с мельницей на косогоре, с медлительной, бесшумной речкой прямо за огородами, с привольными заречными лугами, где в конце лета стоят крутобокие жёлтые стога...

Вчитайтесь в начальные строчки любого его стихотворения, и вы сразу почувствуете, какое это всё наше, родное, русское!

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал...

Ветер веет, не слабеет,
Подгоняет саночки...

Не скажет дорожная лента
И птицы, что в рощах поют,
За что это красное лето
Давно уже бабьим зовут...

Сучки, как будто бородавки
На чистом скобленном полу.

*Смолой сосновой пахнут лавки,
Побелка свежая в углу...*

Но было бы неправильно думать, что Баянов лишь идиллически созерцает луга, речки, леса и прочее. В своих стихах он разрабатывает самые разнообразные общечеловеческие и современные темы. Но уж такова его творческая индивидуальность – за какую бы тему поэт ни взялся, он почти всегда облакает её в свои излюбленные «деревенские» образы, которые, в конечном счёте, вырастают в один образ – всеобъемлющий образ России-матери.

Кто-то мудро подметил: совершенное художественное произведение – это обыкновенные слова, расставленные в лучшем порядке. Баянов умеет «расставлять слова» в лучшем порядке. В прямой связи с его стихами мне часто вспоминается отзыв Ивана Бунина о «Василии Тёркине» Твардовского: «Это поистине редкая книга. Какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» Дело не в сравнении Баянова с Твардовским, но, перефразируя Бунина, можно сказать, что и в баяновской лирике вы не встретите литературно-пошлых книжных слов, она вся основана на точно осмысленном простом и красочном народном языке.

Когда читаешь стихи Баянова, ясно видишь, что написал их истинно русский человек. Он – поэт с ярко выраженным национальным характером. Проявляется это не в отдельных словах или выражениях, а во всём его образном строе. Поэзия Виктора Баянова внушает нам гордость за нашу русскую землю и её замечательных людей.

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

А теперь почитайте другой отклик поэта М. Небогатова на новую книгу своего собрата по перу (рубрика «Издано в Кемерове», газета «Кузбасс», 1977 год, 16 января, с. 4):

ХОРОШИЙ ПОДАРОК

На днях у меня побывал мой лучший друг – поэт Виктор Баянов. Пришёл не с пустыми руками, а с только что вышедшей в свет книжкой лирики под выразительным названием «Гость». Это даже и не книжка, а книжечка форматом с полконверта, в коленкоровом переплёте, с портретом, нарисованным художником Г. Кравцовым. Отличное подарочное издание. Я с давних пор ценю и люблю замечательную поэзию Виктора Баянова, и нечего говорить, как был рад, что он снова добрым гостем войдёт в сердца многих читателей.

В книжечке шестьдесят стихотворений. Все они, за исключением одного, печатались в предыдущих сборниках, так что для большей массы читателей таланта этого самобытного лирика сборник будет не в новинку. Но вот о чём подумалось мне, когда я заново просматривал страницы «Гостя».

Предпоследний сборник Виктора Баянова вышел четыре года назад. Тем юным читателям, которым сейчас по восемнадцать – девятнадцать лет, было в то время четырнадцать – пятнадцать, и они, может быть, в то время не очень интересовались поэзией. И весьма возможно, что многие из них познакомятся с поэтом Виктором Баяновым именно теперь, по этому вот

подарочному изданию. А прочитав эти шестьдесят стихотворений – уверен в этом! – непременно захотят познакомиться со всем творчеством поэта.

О стихах Виктора Баянова немало писали профессиональные критики. Я не буду повторяться. Скажу лишь только, что сюда автор включил самое своё дорогое, заветное, сокровенное. Это стихи о военном детстве, о первой, ещё даже не юношеской, а отроческой любви, о приобщении к нелёгкому самостоятельному труду вначале в качестве помощника, а потом машиниста паровоза. Большинство стихов – о нашей русской деревне, о добрейших и бескорыстнейших душах простых русских людей, о милой сердцу природе. Эпиграфом к ним можно было бы поставить строчки из стихотворения «Не думать ни о чём теперь бы»:

Поднявшись над раздольем нивы,
И в радостный, и в горький час
Тревожный чибис: – Чьи вы? Чьи
вы? –
Завидев, спрашивает нас.

Чтоб помнить мы не перестали
Под нашим небом иль чужим –
В каком краю мы выросли,
Какой земле принадлежим.

Все стихи Виктора Баянова, как светом, пронизаны этим добрым чувством Родины, родной сибирской земли, огромной любовью ко всему живущему на свете.

Я не собираюсь этими краткими заметками дополнять число рецензий на поэтические работы поэта. Мне только хотелось бы ещё раз привлечь внимание к нему, напомнить, что есть у нас в Сибири поэтический талант, который снова предстал перед читателями лучшими своими образцами в подарочном издании под названием «Гость».

А как радуется один поэт удаче другого! Почитайте слова поздравления со вступлением в Союз писателей, адресованные Виктору Баянову, от поэта, который давал ему рекомендацию для вступления в этот самый Союз:

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВИКТОР!

Поэтический талант проявляется по-разному. У одних – в страстности публицистических монологов, у других – в экспрессии ассоциативных образов, у третьих – в философских раздумьях. Главная черта самобытного таланта Виктора Баянова – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое было бы выдуманно, что называется, высосано из пальца ради какой-то невыношенной, невыстраданной мысли, искусственного образа или соблазнительного литературного приёма. А это – признак душевной честности.

Есть у В. Баянова строчки, которые, мне кажется, точно выражают его творческий «секрет»:

Не знаю, в восемь или в семь ли,
А может быть, чуть-чуть позднее
Я полюбил вот эту землю
И всё цветущее на ней...

Вот об этой любимой земле и обо всём цветущем, прекрасном на ней и пишет поэт простые, проникновенные, сердечные стихи.

Творчество В. Баянова понятно и близко молодёжи – и потому, что у него немало стихов о ней, и потому, что сам поэт ещё молод.

Разве не тронут стихи о детстве сердца молодых читателей, которые совсем недавно расстались с ребячьими мечтами и забавами! Я не раз был свидетелем того, как горячо принимают слушатели замечательное баяновское стихотворение «Мальчишки плачут редко» – о мальчишеском горе, о войне, отнявшей у ребёнка отца.

О том, как любят поэзию В. Баянова молодые читатели, свидетельствует такой факт. Один начинающий автор недавно писал мне: «Что-то давно нет в газетах стихов Виктора Баянова. А мне так не хватает их...».

В. Баянов издал в Кемерове две книжки лирики – «Росы» (1963 г.) и «За рекой Талиновой» (1965 г.). Его добросовестная поэтическая работа получила достойное признание – из Москвы пришло сообщение, что ВИКТОР БАЯНОВ ПРИНЯТ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР. Думаю, что это большая радость не только для его собратьев по перу, но и для многих кузбасских читателей.

От души поздравляем тебя, дорогой друг, и желаем новых творческих взлётов!

Мих. Небогатов,

член Союза писателей РСФСР.

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 17 октября. – С. 3.

Не могу отказать себе в удовольствии напомнить читателю хорошие, добрые слова отца, обращённые к Виктору Баянову и характеризующие его поэтический талант, в статье «**КАКОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИМ...**». Название, как Вы уже заметили, позаимствовано у Виктора Михайловича (см. журнал // Огни Кузбасса. – 1969. – № 1. – С. 63 – 68, рубрику «Слово – критике»).

Вот отрывок из статьи:

В 1967 году Кемеровское издательство порадовало читателей многими интересными, разнообразными по жанру книгами – одних только поэтических сборников насчитывается около десятка. Это «Острова» Евгения Буравлёва, «Человеку нужна любовь» Владимира Измайлова, «Моя земля» **Виктора Баянова**. Книжку «Земляника» подарил любителям поэзии Анатолий Саулов. Вышли также переводные сборники: «Праздник мёда» Герберта Генке (перевод с немецкого Валентина Махалова) и «Струны кай-комуса» Степана Торбокова (перевод с шорского Геннадия Сысолятина).

Популярность поэзии в наши дни поистине огромна. В литературной и просто молодёжной среде то и дело возникают дискуссии, посвящённые актуальным проблемам современности и её отражению в творчестве тех или иных советских поэтов. Спор есть спор, и в пылу его никто не застрахован от ошибочных суждений. Так, например, искусственным кажется нам разделение поэтов на гражданских, лирических, интеллектуальных.

Если попытаться разложить по бытующим в критике «полочкам» творчество кузбасских поэтов, чьи новые книги вышли в минувшем году, то можно сказать: ну, конечно же, Евгений Буравлёв – это гражданский поэт, Владимир Измайлов –

«поэт мысли», **Виктор Баянов**, Анатолий Саулов, Степан Торбоков, Герберт Генке, разумеется, чистые лирики. Но, во-первых, нет никакого смысла прибегать к такой «классификации», а, во-вторых, если мы и допустим её, нам пришлось бы отказаться от этой затеи по причине её заведомой условности. Не будем навешивать на поэтов ярлыки: этот лирик, тот публицист, а тот философ. Прислушаемся к совету Евгения Буравлёва в стихотворении «Жизнь – не гладенький шлях»: «Сам учись безо лжи говорить все слова, краснобаям назло, за фонтаном идей, за павлинами слов – видеть сущность людей». Суть не в том, чтобы сослаться на публицистическое стихотворение у одного, на лирическое – у другого, важнее «за павлинами слов» увидеть сущность каждого поэта.

Можно ли быть гражданским поэтом, не имея своей точки зрения?

Гражданственность – понятие очень широкое. Существует множество формулировок этого понятия, и, чтобы не утомлять вас ещё одной, напомним строчки Сергея Смирнова, которые, может быть, а вернее – совсем не о гражданственности, но, тем не менее, очень полно соответствуют нашим представлениям о ней:

Жить, шагая в ногу с веком,
 Делать вещи на века
 И считаться человеком,
 Не лишённым огонька!

Прямое выражение гражданских чувств часто находят только в публицистических, декларативных стихотворениях, не подозревая, что такими чувствами могут быть пронизаны и лирические стихи. **Сборник Виктора Баянова** открывается стихотворением «Родник». На первый взгляд, это не что иное, как пейзажная зарисовка, ценность которой – в ярких реалистических деталях: «Ах, как приятно в тишине дремотной, средь дружески кивающих вершин, склонясь, наполнить влагой искромётной выдавший виды глиняный кувшин. И пить, да так, чтобы не только глотку струя воды внезапно обожгла, а чтоб она текла по подбородку, чтобы она за шиворот текла!» А теперь посмотрим, к какому поэтическому обобщению приходит поэт:

Идти бы мне путём
 прямым, нешатким,
 Свои оставив роднику следы.
 И так идти,
 чтоб ни единым шагом
 Не замутишь
 его святой воды.

Идти по жизни прямо, быть везде и во всём верным родине, народу, партии – разве это не гражданственно? Разве не близко всем нам стремление поэта? Простые, тихо сказанные слова, а берут за сердце крепче громких всяких деклараций.

Вчитайтесь внимательно в сборник Виктора Баянова – гражданские мотивы вы откроете во многих стихотворениях. Кажущаяся их неприят-

зательность – это всё тот же «обман зрения», когда за простотой формы скрывается то, что на самом деле значительно и глубоко по мысли.

**Сумев к утёсу прилепиться
И чуть не рушась вместе с ним,
Над головой моею птица
Сидела пугалом лесным...
Но ветер с гор ударил косо,
Всё зашумело, ожило,
И птица сорвалась с утёса,
Расправив крылья тяжело...
Пусть эта зависть мне простится
И до конца во мне горит.
Я понял, что любая птица
Красивая, когда летит.**

Кому принадлежат эти строки, в которых ясно проглядывается философский подтекст (красив человек в деле, в работе, в подвиге?). На первый взгляд – Владимиру Измайлову. – Нет, их написал тот же Виктор Баянов, о котором не принято говорить, что он – «поэт мысли». Не принято, очевидно, потому, что не козыряет он этим подтекстом, не акцентирует на нём внимание...

...Да, это не секрет, что подчас в негромких, но очень задушевных стихах звучит та истинная гражданственность, которая рождается от близости личного опыта поэта к судьбам многих людей.

Чувство родины... Его трудно выразить словами. Ещё Лермонтов признавался, что он любит отчизну странною любовью, которую не может победить рассудок. И не в минуты ли мучительных попыток объяснить себе это чувство написал Тютчев свои знаменитые строчки: «Россию сердцем не понять,.. в Россию можно только верить»?

Проходят дни, годы, столетия, всё в мире изменяется, даже течения рек, не говоря уже о судьбах людей, – и только чувство родины остаётся неизменным. Оно почти подсознательно, но всё-таки не абстрактно. Оно и не может быть абстрактным, отвлечённым, потому что у каждого из нас есть где-то в России тот благословенный уголок земли, где мы качались в зыбке, где впервые увидели солнце в окне и где сделали первые робкие шаги по травянистой или заснеженной тропинке.

К теме родины так или иначе обращаются все без исключения поэты. Удаchi и просчёты в разработке этой темы завясят, думается, не только от степени зрелости, мастерства, талантливости автора, но и от того, насколько органично в нём чувство родины. Можно назвать многих русских поэтов, одно упоминание имён которых сразу же ассоциируется с яркими картинами народной жизни, с природой, бытом, характером и духом России.

Кузбасских поэтов можно упрекнуть в чём угодно, только не в отсутствии у них чувства родной кузнецкой земли, чувства родины.

Веское русское слово, а не пустые фразы – вот что берёт за душу в хороших стихах. Вместе с тем главное значение в поэзии, в её воздействии на читательское сердце имеет не сама по себе так называемая словесная инстру-

ментовка, какой бы искусной она ни была, а то внутреннее, подчас трудно уловимое наполнение всех, взятых в целом, слов, которое можно назвать душой стихотворения. Из-за неумения заглянуть в эту душу, читатель сплошь и рядом принимает за поэзию то, что, попросту говоря, лишь выдаёт себя за неё. А это в свою очередь способствует появлению и благополучному существованию стихотворных поделок, написанных как бы вне времени и пространства, без чувства родины, без чувства родного языка.

Что значит для некоторых поэтов какая-то там вербочка или стог сена на лугу, когда они «на ты», запанибрата не с чем-нибудь, а с самой эпохой, с веком, столетьем, с земным шаром, с планетой! Вот, пожалуйста: «поезда двадцатого столетия... Вот так, за веком поспешая... Ценности размениваем старые. Видятся нам новые столетия... Мы – в пути. Эпоха – на колёсах!.. Я слышу, как в пути планета дышит... И может, где-то кто-то смотрит на мою планету... А за спиной гудит сквозь снег век непреклонный, грозный век, тревожный век!.. Но в сумрак, звеня, ветер века уводит меня... За порогом уюта, за пределами тихого быта сто дорог, сто ветров, вся планета... и как будто на ладони – все стороны света... Дороги века широки... Мгла смотрит на мою планету. По несжатому житу, необжитой тайгой, из планеты копытом вышибая огонь... Светофоры, крик перронов... Это века беспокойные приметы... Сердце века!..» Все эти громозвучные, как железные листы, штампы уместились в одной небольшой по объёму книжке Михаила Дёмина «Кочевье» (Москва, 1967 г.). Примеры вот такого вселенского размаха лихой поэтической музыки можно было бы умножить, полистав другие сборники, да уж очень удручающее это занятие.

Большая радость, большое наслаждение – после грохота и треска пушторожных строчек открыть, скажем, книжку Виктора Баянова и приобщиться сердцем к настоящей поэзии, читая негромкие, скромные, полные душевной теплоты стихи.

Словно бы полемизируя с Михаилом Дёминым, который за «беспокойными приметами века» (светофорами, криком перронов) не желает замечать конкретных примет родной земли, Виктор Баянов говорит о своём, заветном:

**Сторона любимая, приметная.
У тебя приметы есть предметные...
Где-то есть такие ж зимы с вёснами,
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И посёлки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Только сердцу одному известного...**

Эти удивительные по своей искренности строки можно поставить эпиграфом ко всем поэтическим сборникам, вышедшим в минувшем году в Кемерове. У каждого из их авторов есть на Кузнецкой земле что-то главное, очень близкое, дорогое для сердца на всю жизнь.

Для самого Виктора Баянова – это старая русская деревня, где живут простые, бесхитростные, добрые люди, тот же одинокий дедушка Игнат, который, только настанет лето, любовно, с завидной изобретательностью плетёт корзинки и задаром, «за так» раздаёт их соседям и знакомым: «Прими подарок, добрая душа...» Те же мастера своего дела, старые плотники, владеющие искусством врубить в бревно «топор отточенный от сапога на волосок»...

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

Когда Виктору Баянову исполнилось 50 лет, не смог старший друг и товарищ отмолчаться, остаться в стороне от этого важного события. В журнале «Огни Кузбасса» за 1984 год (№ 3) в самом начале, на 3-й странице, помещено приветственное слово к другу:

Виктору БАЯНОВУ
50 лет

Подумать только, Виктору Баянову – уже 50 лет! Кажется, давно ли дарил он мне первую свою книжку «Росы», а ведь с той поры минуло ни много, ни мало – два с лишним десятилетия...

Вспоминается далёкое лето 1963 года. Я шёл по делам в редакцию, а Витя возвращался оттуда. Это было первое наше очное знакомство (заочно, по стихам, мы знали друга давненько). Встреча была кратковременной – Витя спешил куда-то со своим товарищем и остановился только для того, чтобы вручить мне заранее припасённую книжку «Росы» с дарственной надписью. Он с первого же взгляда вызвал большую симпатию к себе. Хорошо запомнился его очень русский облик: деревенского типа парень выше среднего роста, круглолицый, с короткой стрижкой, с русым чубчиком на лбу, с обаятельной улыбкой, до застенчивости скромный, немногословный.

Сердечность, задушевность – главное и в поэзии Виктора Баянова. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое бы родилось из какой-то невыстраданной, эффектной мысли, ради искусственного образа или соблазнительного поэтического приёма. Лучшие стихи Виктора – это свидетельство его личного опыта. (Как тут не вспомнить такие, например, строки Небогатова: «О чём не подумал – про то не расскажешь, О чём не поплакал – про то не споёшь...»). Именно поэтому его поэзия так лирична, так привлекательна своей неподдельностью, подлинностью мысли и чувства.

Нечего и говорить, сколько сил отнимает тяжёлый труд машиниста тепловоза, до чего же выматывают ночные смены, но как бы там ни было, а литература берёт своё. Долгое время не читали мы новых стихов нашего любимого поэта, и вот, наверно, меньше, чем за полмесяца Виктор написал целый цикл отличных лирических стихов, а также, не чураясь «социального заказа», по просьбе редакции газеты «Кузбасс» создал большое стихотворение на международную тему «Тревога», проникнутое страстной гражданской ответственностью и одновременно мягким, баяновским лиризмом. Невольно вспомнились афористичные строчки Николая Ушакова: «Чем продолжительней

молчанье, тем удивительнее речь». Это подтверждает и вышедший весной томик его стихотворений «Зазимок».

Виктор Баянов частенько заходит в Кемеровское книжное издательство, для которого он неизменный, постоянный рецензент и редактор рукописей начинающих авторов. И не только: он щедро помогает готовить к печати книжки своих ровесников и более старших поэтов. Вот конкретный пример: сперва он прорецензировал, а потом отредактировал мою новую книгу «Земля моя добрая».

На рубеже 50-летия от всего сердца хочется пожелать Виктору Михайловичу Баянову, моему давнему верному другу, прекрасному человеку, замечательному русскому лирику, самого главного – доброго здоровья и творческого долголетия.

Михаил Небогатов

Для сравнения хочется познакомить читателя с тем немногим, что сказано (и неплохо) Виктором Баяновым о Небогатове и его поэзии. Вот, например, какой отзыв сделал Виктор Михайлович на сборник «Родные просёлки» своего старшего друга-поэта:

ПО РОДНЫМ ПРОСЁЛКАМ

Поэт читает поэта

Совсем недавно в Кемеровском книжном издательстве вышла книга лирических стихотворений Михаила Небогатова «Родные просёлки».

Прочитав её, нельзя не поделиться отрадным впечатлением. И дело тут вот в чём. У нас ещё не перевелись поэты, отдающие много сил и таланта чисто формальной стороне стиха. Погоня за необычной рифмой, образом рыхлит, затуманивает содержание, уводит от художественной и исторической правды. За сложными хитросплетениями редко различишь истинное лицо поэта, его симпатии и антипатии, его целеустремлённость. А вот за книгой «Родные просёлки» стоит поэт удивительно честной и чистой души, большой искренности и скромности, с незамутнённым восприятием жизни. Чуткий и приветливый, он легко ведёт за собой читателя. Его стихи – восхищение красотой и поэзией мира и его создателем – человеком. У М. Небогатова в практике нет случая, чтоб стихотворение било, точно тараном, острым и, как часто бывает, продуманным сюжетом. В его стихах всё естественно, как дыхание. Нет чрезмерного нагромождения усложнённых образов. В чётких и прозрачных стихах они мешали бы, как камни на дороге. Ничто не ускользает от зоркого взгляда поэта. Он видит, как идущего «ель зелёной лапой хватает за вихор» и как «паровоза кудрявая чёлка висит над трубой». Отбираются скупые, единственные слова.

Думы, переживания поэта переданы через картины и явления родной природы. Это тоже не случайно, ибо во всём здесь – прямота, безоблачность. Мысль широка, ассоциативна («Луна», «В разлив», «Прощание с детством»). Хорошо сделано стихотворение «Родные просёлки», отчасти давнее название сборнику, – раздумчивое, ёмкое.

Много говорит о далёком забытом времени четверостишие:

*В глухое время, в дни невзгод,
С мечтой о светлых куцах рая,
Гудел печально крестный ход,
Хмельному попику внимая.*

Поэт всегда находит удачный и нужный поворот, глубокое философское обобщение. Он беседует с читателем просто, не навязчиво, стихи хорошо воспринимаются детьми, без их вторичного смысла – просто, как правдивые и живые картины родной природы. Берёзы и тополя, разливы и закаты – «всё такое родное, русское, без чего не прожить и дня». Это близко и дорого всем, ведь за этим стоит большое и светлое – Родина.

Но стихи были бы менее ценны, если бы в них не чувствовалось постоянной тревоги и заботы о главном – о человеке. «Ненастье», «Колосок», «Дом в роще» – это стихи о людях. Даже любясь закатом, поэт ни на миг не забывает о человеке.

*Вдали закат пылает
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В сухом его огне.*

Или: «точно чьи-то мечты и надежды, с тополей облетает листва». Многие стихи («Нынче осень на редкость хорошая», «Льётся с неба последняя ласка») привлекают плавными песенными зачинами, проникновенным звучанием. А в стихотворении «В полдень синяя...» ещё более отчётлив характерный песенный рефрен.

Творчество М. Небогатова роднится с народной поэзией, крепко связано с традициями русской классической поэзии. Пристальное внимание к классикам всегда даёт отрадный результат в работе поэта над словом, образом. «Греет кровь мою лёгкий мороз», – писал когда-то один большой русский поэт. У М. Небогатова зима «зажгла костры мороза» – тот же образ, но по-своему, творчески разработанный и углубленный.

Хорошую книжку подарил нам М. Небогатов. Даже хочется не замечать декларативности и сухости некоторых стихов и блёклости красок – всё это поправимое, изживное. О том красноречиво говорят лучшие стихи сборника – поэтичного, наводящего на серьёзные раздумья, приглашающего от чистого сердца восхищаться человеком и земной красотой.

В. БАЯНОВ.

г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 22 декабря. – С. 3.

Нашлись у Виктора Баянова добрые слова в адрес своего старшего друга и к юбилейным для того дням (см. журнал «Огни Кузбасса» – 1981 – № 3 (июль–сентябрь) – С. 3–6.), равно как и его «зелёный свет» для любовно сделанной подборки «Год за годом», может быть, самых лучших стихотворений поэта-фронтовика, которая идёт вслед за вступительным словом:

ПОЭТУ МИХАИЛУ НЕБОГАТОВУ 60 ЛЕТ

Известному кузбасскому поэту Михаилу Александровичу Небогатову исполняется 60 лет.

Вот не хотелось повторять ставшие, может быть, привычными от частого употребления в подобных случаях слова, что, мол, годы для поэта – понятие условное, малозначащее, что он по-прежнему бодр и молод душой, необыкновенно творчески активен и т. д., но тем не менее именно эти слова наиболее точно характеризуют сегодня нашего дорогого юбиляра.

Действительно, чрезмерно повышенное пристрастие к пролетающим невозвратным годам, меланхолически-размягчённые вздыхания по этому поводу никогда не занимали поэта. Его поэзия жизнеутверждающая, солнцелика, в основе её – любовь ко всему доброму и по-настоящему красивому на земле, большая человеческая совесть, нравственная чистота.

Всё лучшее из созданного Михаилом Александровичем за долгие годы работы в литературе близко и понятно многим людям – по мысли, по чувствам, по настроению. Он – поэт своеобразного творческого почерка, его стихи всегда отмечены «лица необщим выраженьем». В наше время бурных ритмов он остаётся верен внешне спокойному русскому «традиционному» стиху, тонко чувствует слово, умеет мастерски построить и высветлить строку, добиваясь точного и ясного её звучания.

Михаил Небогатов – автор многочисленных газетно-журнальных публикаций и одиннадцати поэтических книг, принесших ему сердечное уважение и признательность земляков.

Пожелаем же нашему другу поэту, достигшему столь почтенного возраста, доброго здоровья и вдохновенной работы. Работы, доставляющей радость себе и многим!

Виктор Баянов

***

Михаил Небогатов

ГОД ЗА ГОДОМ

*Как юность, просто и лучисто,
Как юность, свежести полна,
Разноголосо и ручьиисто
В стихи врывается весна.
В любой строке её – кипенье.
И как, скажите, не запеть,
Когда кругом такое пенье –
Весёлых звуков трель и медь!
Под солнечным горячим душем*

*Шагаешь, веет ветерок.
А рядом прыгает по лужам
Слепящий огненный клубок.
Глазами жадными лаская
Деревья, встречных, синеву,
С восторгом думаешь: «Какая
Большая радость – жизнь
людская!
Как хорошо, что я живу!»*

1938

***

*Все войны свой конец имели,
И эта кончилась война.
Вначале будто онемели
Просторы, где она была.
Последний раз провила миной,
Пропела пулей – и конец.*

*Над речкой, сопкой и равниной
Затих пожар, остыл свинец.
Пусть счастье светится на
лицах!
Мы не забудем до седины
Про День Победы в двух столицах:*

*В огнях Москва, во тьме Берлин!..
Опишет будущий историк
Неповторимый путь борьбы,
Который был тяжёл и горек,
Как испытание судьбы.*

*И будет памятник построен,
Что не состарится вовек:
Стоит, бессмертия достоин,
Великий русский человек.*

1945

***

*Творцы картин, симфоний,
книг ли –
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним
привыкли,
Что мало ценим их подчас.
Заслуги близких не в новинку.
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел
Глинку,
Встречался с Пушкиным,*

*Толстым...
Вот так, грустя над «Тихим
Доном»
Иль шуткам Тёркина смеясь,
Не раз со вздохом затаённым
Потомок скажет и про нас:
Мол, были некогда счастливцы,
С кем шёл по жизни до конца
И житель Вёшенской станицы,
И автор «Книги про бойца»...*

1955

***

*Если чувства, как спички,
растрачены
На ветру легкомысленных
встреч,
Вряд ли фразами мнимо-
горячими
Снова сердце сумеешь
зажечь.
Всё ты в жизни расценивал
дёшево,
А теперь вот с пустым
коробком.*

*Без детишек, без друга
хорошего
Вдруг окажешься, став
стариком.
Будешь жить – одинокий,
безропотный,
Вроде старого мшистого
пня...
Так порою охотник неопытный
Замерзает в снегу без огня.*

1957

ПЕРЕПЁЛКА

*Опустело на просёлке,
Сна глубокого поря.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.*

*Только ей одной забота.
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.*

1957

***

*Нет мысли, думы, чувства ли
такого,
Чтоб не сумело выразить их
слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание – как громкий крик
души.
Вот дом. Крыльцо.*

*Окно с поблёкшей рамой...
В последний раз я виделся тут
с мамой.
Уже моя в сединах голова...
Ах, как мертвы, никчёмны
все слова!..*

1960

***

*Всю жизнь перед глазами,
как живой,
Увиденный впервой
солдат убитый.
Кругом движенье, гул,
моторов вой,
А он у дома – всеми
позабитый...
Был первый день войны.
И первый он,*

*Ничком лежащий,
весь под слоем пыли.
Поздней я видел многих
вечный сон,
А этот – всех живее
в страшной были.
И чувство в сердце жуткое,
как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...*

1972

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

*Я представляю это до сих пор...
Был сладок сон. Тиха была
казарма.
Алел восток. И на него
в упор
Смотрел фашист
с открытого плацдарма.
Смотрел в бинокль,
высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью
спортивной...
Был берег уж не берег,
А рубеж,
Простор полей –
Простор оперативный.
Уже мосты –*

*Места для переправ,
Для гусениц, колёс,
бегающих ног ли...
Мир черепиц, садов,
соборных глав –
Всё чётко, близко замерло
в бинокле.
Мы спали, и дышалось так
легко.
И ни одна душа среди нас
не знала,
Что за рекой –
совсем недалеко –
Уже война к прыжку ждала
сигнала...*

1975

***

*Покидают тихо жизни праздник
Те, чьё имя: бывший фронтовик.
Самый молодой войны участник –
Сын полка – и тот уже старик...
Лист газетный. Там, где
про осады,*

*Про театр и фильмы строчек
строй,
Траурные рамки – как оградки
Над могилой, над землёй сырой.*

1980

***

*И прадеды наши сильнее всего
Россию – Расею – любили.
В боях не щадя живота своего,
Зело они врага били.
Всё так же в сражениях
на смерть стоим*

*За отчую землю мы с вами.
Всё с той же любовью
о ней говорим,
Лишь только другими словами.*

1980

***

*Нет, никогда, вовек не надоест
Встречать восход весёлый
ежедневный,*

*Когда он слит со всем,
что есть окрест, –
С рекою, с полем,*

с ясностью душевной.
 ...Вновь память там,
 где гибель по пятам
 Шла за тобой, гремя,
 свистя смертельно.

В те дни не до природы
 было нам,
 В те дни она жила от нас
 отдельно.

1980

***

Безбрежно, вольно на небе
 высоком,
 Как на полях, что зелено-
 тихи...
 Не красной пастой –
 земляничным соком
 Природа пишет летние
 стихи.

Строку к строке –
 ромашку к стеблю лепит,
 К оконцу солнцем, словно
 рифмой, льнёт.
 И трепет колосков, и речки
 лепет –
 Всё в мёд душистый –
 в лирику берёт!

1981

***

Новый стих – как ясное окно
 После ночи радостно-бессонной.
 Если б в суете редакционной
 Не ложилось что-то под сукно!
 Не таю обиду или зло,

Но скажу своим единоверцам:
 Сколько строчек,
 выстраданных сердцем,
 До тебя, читатель, не дошло!

1981

И как раз к 60-летнему юбилею Михаила Небогатова вышел в свет его очередной стихотворный сборник «Лето». Вот какое предисловие к этому специфическому сборнику (не так-то легко было составить целую книгу из стихов на такую «узкую» – не развернёшься! – тему) сделал его редактор Виктор Баянов:

О СБОРНИКЕ «ЛЕТО»

Думаю, человек очень рано понял, что земля не просто твердь, на которой он устраивает своё жилище, занимается земледелием и охотой. Это нечто большее. Земля, природа учили не только упорству, мужеству в выживании, пониманию каких-то процессов, но развивали вместе с опытом и эстетическое начало. Кочевой человек облюбовывал для стоянки не только наиболее удобное место возле рек и озёр, но и самое красивое. Потом привыкал к нему, обживал, и не было уже вроде ничего лучшего на земле. Ощущение это углублялось, утверждалось новыми поколениями. Может быть, так вот и появилось самое доброе и сильное чувство, понятие – Родина. А ей, родине, родной земле, испокон и посвящают люди и лучшие дела свои, и свои песни.

Ничего нового, свежего в моих рассуждениях нет, но такие мысли возникают после прочтения нового сборника стихов «Лето» М. Небогатова. Стихи, составившие эту книжку, написаны в разные годы, некоторые из них были помещены в ранее выходивших сборниках поэта, иные лишь напечатаны в периодических изданиях или не публиковались вовсе. Основная тема книжки уже понятна из названия – «Лето», летние зарисовки рассветов, закатов, жарких полдней и тех дел и забот, коими полна земля от июня до сентября. Идейная

направленность книги определённа и чётка – любовь к земле, к родному краю, природе.

Несомненная ценность многих стихотворений сборника – в подлинности лирического чувствования, незаёмности, добром настрое. И. С. Тургенев писал, что настоящему таланту окружающая его жизнь даёт содержание – он является её сосредоточенным отражением. М. Небогатов обладает именно таким талантом (я не говорю о силе, величине таланта – это другой вопрос) – окружающая его жизнь питает его творчество, ему чуждо всякое опосредствование.

Поэт шёл на определённый риск, составляя книжку из стихов такой жёстко локальной темы. Здесь как бы неуместны стихи открыто гражданского звучания, публицистические или отвлечённо-философские, а также стихи с внешними приметами других времён года. «Лето», как гоголевский Хома Брут, незримой чертой отчуралось от стихов иного плана. Однако поэт почувствовал возможность, даже необходимость именно такой книжки, и надо сказать, что книжка сложилась интересной, без тематической ограниченности.

Книжка в целом производит хорошее впечатление. Она полна бодрости, оптимизма, в ней простым и поэтическим языком выражены чувства и настроения, близкие и понятные многим людям.

Михаил Небогатов – поэт своеобразный. Стих его автологичный, открытый, предельно простой, требующий от поэта большого труда для сохранения в нём поэтического напряжения. Здесь уж если стихотворение крепко, то оно крепко само собою, сутью, без каких-либо версификаторских подпорок. Зачастую поэт так начинает картину:

Здравствуй, день голубой,
Здравствуй, добрый знакомый,
С полем, рощей, рекой,
С тихой дрёмой-истомой.

Кое-кто, знаю, эти простые и суховатые строки назовёт простоватостью (приходилось слышать), не умея понять, что широкие и как бы бесцветные мазки (с полем, рощей, рекой) положены так намеренно. Даны только контурные очертания картины, чтоб и читатель тоже воображение своё расшевелил и принял участие в расцветивании её. Есть по стихам и другие «скрытые» находки. Думаю, что сборник «Лето» для давних и истинных любителей поэзии Михаила Небогатова будет приятным подарком.

Не подумайте, ради бога, что друзья-поэты только и делали, что расшаркивались друг перед другом и расточали друг другу комплименты. Нет. Они часто – не намеренно, конечно, – «сражались» в поэтическом поединке: оба писали стихи о природе, о любимом крае, о земляках – великих тружениках, о любви к женщине.

Однажды М. Небогатов даже написал очень симпатичную, на мой взгляд, пародию на своего младшего собрата по перу, точно передав баяновский поэтический почерк. Хотите, покажу?

В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЁЛОЧКА

Как бы написали на эту тему кузбасские поэты

Виктор Баянов

Всё в снегу село родное.
 Навалило за ночь как!
 Чудо хвойное, лесное
 Я привёз на саночках.
 Вся родня, встречая сказку,
 Ей поклон отвесила,
 Ёлка всем в ответ на ласку
 Улыбнулась весело.
 Разведёнкой молодую
 В горнице красуется...

Ветер воеет за стеною,
 Рвётся в окна с улицы.
 Но стоит она, сверкая,
 Уж такая баская,
 Ненаглядная такая
 И нарядная такая,
 Ёлочка кузбасская!

// Комсомолец Кузбасса. – 1984.

– 3 января. – С. 4.

Мне стало любопытно: а с какого именно стихотворения Баянова отец взял образец для этой пародии? И вот, готовя эту статью, нашла, как мне кажется, «первоисточник». Не это ли стихотворение он взял за основу?

Ветер вееет, не слабеет,
 Подгоняет саночки.
 Под горою голубеют
 Проруби русалочки.
 Ветер сыплет колким снегом.
 Выстывают горницы.
 За твоим весёлым смехом
 Вьюга не угонится.
 От опушки от сосновой,
 От четы березовой,
 Ты бежишь на горку снова –
 Розовая-розовая.
 Из ледовых, видно, окон,
 С глубины наливовой
 Оплескали тебя окуни

Водю малиновой.
 А потом у тропки торной
 Под буянь буранную
 Снегири о щеки тёрлись
 Грудками багряными.
 Нам смеяться, нам чудесить,
 Чтоб сердца оттаяли.
 Мы сегодня лет по десять
 По домам оставили.
 А кругом гудит, сверкая,
 Молодая, светлая,
 Неоглядная такая,
 Ненаглядная такая
 Сторона заветная.

И что Вы думаете? Виктор Михайлович не заставил себя долго ждать, и тоже откликнулся пародией на своего собрата по перу. Всем знакомо стихотворение М. Небогатова «О простоте». Вот оно, я напомним:

Обидно мне за простоту.
 Иной в презрении ретивом
 Её обходит за версту
 И называет примитивом.
 За сложность ратует такой,
 В неё лишь верит непреложно,
 Не зная истины простой,
 Что эта сложность часто ложна.
 Абстракций красочных потоп

Увидят тонкие эстеты
 И начинают морщить лоб,
 Искать какие-то секреты.
 Мол, сразу видно мастерство,
 Тут что-то есть, хоть
 непонятно...
 Да бросьте! Нет же ничего,
 Одни бессмысленные пятна.
 Стихи ли модные прочтут,

*Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут,
В бреду без запятых и точек...
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой
природной,
Не с той, что хуже воровства,*

А вот чем отвечает Баянов:

*Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт – не ягода с куста.
Нет-нет да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужалят,
Мол, не поймёт – уж больно
прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,*

Тут вспоминается ещё одна, не менее яркая пародия на эту же тему. Правда, написана она не Виктором Баяновым, а журналистом Юрием Соломоновым, работавшим в газете «Комсомолец Кузбасса» и хорошо знавшим Михаила Небогатова и его стихотворение. Почитайте и сравните. Правда, похоже?

*Трещат авто, мотоциклеты
В дали, подёрнутой дымком,
Несутся тонкие эстеты,
А я шагаю босиком.
В грязи, в пыли босые ноги,
И за верстой бежит верста.
Вдруг вижу – прямо у дороги
Сидит Святая Простота.
Кричу я: «Бабушка, куда ты
В годах таковских держишь
путь?»*

*А с той – высокой, благородной.
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надёжен.
Она – как скромный свет берёз
И вместе с тем – как блеск
из ножен.*

*Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют как нож:
– Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьёшь?
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, своё –
Не как убить её, святую,
А как бы сохранить её.*

*Она: «Поеты-супостаты
С собой в машины не берут...»
Эт надо! Не берут старуху!
Да с нею Пушкин был знаком!
И я протягиваю руку:
«Пойдём-ка, бабушка, пешком».
Была старушка очень рада,
Что я приветливый, простой...
«А ты, товарищ Небогатов,
Босой – ну чисто граф Толстой!»*

Вернёмся к нашему тандему «Небогатов – Баянов». Писали оба поэта, каждый – по-своему, разумеется, но в чём-то очень похоже. Даже названия книг порой совпадали. Судите сами:

М. Небогатов. На берегах Томи.
М. Небогатов. Земля моя добрая.
М. Небогатов. Лирика.

В. Баянов. Томь-река: Лирика.
В. Баянов. Моя земля.
В. Баянов. Лирика.

И стихотворений, или даже просто отдельных строк на похожие темы тоже можно отыскать немало. Да что об этом говорить? Давайте лучше сделаем некую переключку и почитаем:

Виктор Баянов

*Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры
с соснами,
Где-то есть такие ж зимы
с вёснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И посёлки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,*

*По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень
местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять – не получается.*

Михаил Небогатов

*Нестареющая, вечная
Красота земли родной –
Голубая даль заречная
С луговою тишиной...
Обнимаю взглядом ласковым
Все травинки на лугу.
Будет срок – живую сказку вам
Расскажу я, как могу.
Вот берёзка в пышной кофточке,
В белой юбочке своей;
Вон тальник присел на корточки,
Молча смотрится в ручей.
На жужжание знакомое
Обернулся я. Пчела!
С добрым утром, насекомое!
Как живётся? Как дела?*

*Ну, а ты о чём, безвестная,
Пригорюнилась, копна?
Ты же нашенская, местная,
Гордо выглядеть должна!
Знала б ты, как веет по лугу
Ароматом от тебя, –
Под небесным ясным пологом
Ты б стояла не скорбя...
У тропы над синей лужею
Я гляжу во все глаза:
Вертолёту неуклюжему
Подражает стрекоза.
Мостик, заводь, куст смородины,
Паровозный крик вдали –
Это всё частица родины,
Мирный день родной земли.*

Виктор Баянов. РОДНИК

*Блестит вода, как в сказочном
копытце,
В замшелом срубе, вкопанном
в межу.
Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!
Ах, как приятно в тишине
дремотной,
Средь дружески кивающих вершин,
Склонясь, наполнить влагой
искромётной
Выдавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только
глотку*

*Струя воды внезапно обожгла,
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.
Кипит родник,
воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный луг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что, как слеза,
чиста,
Всё падают — то плод рябины
горький,
То сладкий плод с малинова куста.*

Михаил Небогатов. РОДНИК

*В кругу домов – камней гряда,
 Когда закат – багровая,
 А из неё бежит вода –
 Земная, родниковая.
 Бежит она не так себе –
 Туда, куда направлена,
 Как по тоннелю, по трубе,
 Что в камни кем-то вставлена.
 Зимой и летом день-деньской
 Здесь ручейками бодрими,*

*Как у колонки городской,
 Вода играет с ведрами.
 Родник. Невзрачненький на вид.
 Солидный лишь над флягою.
 А скольких он людей поит
 Живой своею влагою!
 Так человек: не тот велик,
 Кто роста высоченного,
 А тот, чьё сердце, как родник,
 Полно добра бесценного.*

Виктор Баянов

*За рекой талиновой, за мельницей
 Земляничкой крашены холмы.
 Век ничто, казалось, не изменится
 – Ни деревья, ни земля, ни мы.*

*...Цветное лето с радугой над
 лесом,
 Чего и вёснам даже не дано,
 Не потому ли и назвали летом,
 Что пролетает быстро так оно?*

Михаил Небогатов

*Отгрохотав, гроза ушла на север.
 Вновь свежий ветер, солнца мягкий
 свет.
 Как остро пахнет мёдом алыч
 клевер,
 Что входит в силу, набирает цвет!
 Лучится поле, блёстками сверкая,
 Прохладной, влажной свежести
 полно.
 Ты приглядишься-ка, красота какая:
 Всё серебристо-красное оно!*

*А чтобы мир, который блещет
 ярко,
 Ещё был ярче, краше и нежней,
 Над ним взметнулась радужная
 арка,
 Горя соцветьем всех семи огней.
 Как хорошо, как радостно до боли
 Жить ощущеньем праздничным
 одним:
 Неугасимо клеверное поле
 С теплом лучей и с радугой
 над ним!*

Виктор Баянов

*Не по одежке, не по перстню —
 С игрой литого серебра —
 Встречайте вы меня по песням,
 Слетевшим с моего пера.*

Михаил Небогатов. СВОЯ ПЕСНЯ

*Песнь у всех по-разному поётся.
 Иногда зачином неплоха.
 А бывает, голос вдруг
 Сорвётся,
 Даст, как говорится, петуха.*

*Пусть средь запевал –
 Не первый в роте,
 Но за ними мне идти, спешить.
 И на самой задушевной ноте
 Я хотел бы песню завершить.*

Поверьте мне: эту переключку можно было бы продолжать ещё очень долго – настолько созвучны мысли и чувства, а также выразительные средства обоих поэтов. Лучшим свидетельством этого их единства во взглядах на поэзию, на поэтическое творчество, на литературу в целом может служить их переписка периода учёбы Виктора Баянова на Высших литературных курсах (ВЛК) в Москве в 1967 – 1968 годах.

Благодарю директора Государственного казённого учреждения Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области» Л. И. Сапурину за возможность опубликовать документы из личного фонда Михаила Небогатова¹.

Из писем читатели журнала, возможно, узнают впервые: о писательской дружбе и творческом соперничестве без зависти, о взаимопомощи на пути к вершинам поэтического мастерства. Какие-то факты творческой биографии В. Баянова прольют свет на творчество, на отношения в писательской среде, на существенные отличия в жизни провинциальных и столичных поэтов, на книгоиздательские проблемы.

В письмах к М. Небогатову удивительно раскрылся талант Виктора Баянова – великолепного рассказчика: говорит ли он о творчестве, или рассказывает обычную житейскую историю... В этих письмах он весь – и поэт, и гражданин, и товарищ, и настоящий русский человек. Письма его подкупают искренностью, доверительностью интонаций. В них сохранена авторская стилистика и орфография.

Давайте почитаем отрывки.

Письмо первое: *Миша, здравствуй!*

Доехал до Крыма сравнительно легко, без каких-либо приключений. В Москве пробыл 5 часов. Этого вполне хватило на то, чтоб познакомиться своих с центром столицы и зайти в «Сов. Россию». Передал рукопись Туркину, всё нормально.

Был в это время там Вася Казанцев. У него тоже выходит книга в этом издательстве. Вероятно, вместе выйдем.

...Должен сказать, что время нашего пребывания в Коктебеле – не совсем удачно. Только перед нашим приездом установилась погода. Были дожди, море штормило, холодное. Загорать загорал, а купаться отчаиваются лишь немногие. Я ни с кем не познакомился близко, не выпил ни стакана вина. Ещё бы курить бросить. Тогда буду с головы до ног положительным.

Место здесь своеобразно красивое, тихое, для работы очень удобное. Конечно, нет той экзотики, что на Кавказе. Мои начинают скучать, да и я тоже начинаю слегка грустить чёрно-кучерявой грустью. Здесь я вижу Рытхэу, Шесталова, ... Снегову, Друнину, Жирмунскую, но не знакомился.

Книжек, Миша, пожалуй, не присылай. Дарить никому не собираюсь. А кому хочу послать (Ковалёву, Костр.), пошлю из дому.

¹ ГКУ КО ГАКО. Ф. № Р – 1250. Оп. № 1 (Личный фонд М. А. Небогатова)

Обратно думаю лететь самолётом. Поездом интересно, но всё-таки долго и утомительно.

Миша, может, черкнёшь мне пару слов – как там у нас. И книг закупи, как условились.

Приеду – расскажу о моей жизни здесь подробно.

Пишется туго. Но думаю, что стихов 5 – 7 – 10 вчерне сделаю.

Ну, будь здоров, Миша, и бодр. Привет Марии Ивановне и ребятам.

Виктор. 14/ IV-67 г.

Письмо второе:

Миша, здравствуй!

Вот я и в Москве. Доехал хорошо и устроился тоже. Комната большая и, хоть не очень светлая, но зато тихая. Это в районе Останкино. Рядом с полукилометровой телевышкой. От общ. до ВЛК – 30 минут на троллейбусе.

Уже два дня отзанимались. Вообще, Миша, придётся мне, наверно, трудновато. Лекций много, трудные, хотя и очень интересные. Сижу как на концертах.

Изучать будем: теорию литературы, зарубежную литературу XX века, античную литературу, теорию изобразительного искусства, музыки, политэкономия, д. материализм, ин. яз.

Кроме этого – русская классика – Пушкин, Гоголь, Толстой, Есенин! и т. д. Ну, и семинары творческие, где уже будут говорить о нашем творчестве.

Будут, говорят, выезды в Ленинград, Ясную Поляну, Бородино и др. места, связанные с историей и культурой. Короче говоря, курсы должны дать многое в смысле общего развития, расширения кругозора, приобретения мастерства. Только не валять дурака. Ведь такой возможности больше уже не представится. Верно?

30-го, придя домой, обнаружил на полу записку. По почерку сразу узнал Ж. Буравлёва (он здесь проездом с женой). Остановился в «Москве». Я съездил к ним, поболтали, в кино сходили. 26-го он будет на пленуме здесь, снова, может быть, встретимся. Всё веселей на душе!

Вот такие дела пока. Дальше – время покажет. Думаю, что всё будет хорошо и, встречая новый 1968-й, мы вместе поднимем стаканы с сухим винцом, а? Ну, а пока, Миша, если будет время и охота, черкни мне что-нибудь. Буду радёхонек.

Ну, а пожелать тебе – пожелаю, чего и себе самому – хорошего здоровья, настроения и стихов.

Виктор. 3/IX-67 г.

P.S. Вчера нам сообщили, что умер Эренбург. Завтра, в понедельник в ЦДЛ будет стоять гроб. Надо, наверно, сходить.

Письмо третье:

Миша, здравствуй!

Получил первую весточку с родных мест – твоё письмо. Говоришь, и Володя Измайлов тоже наострил лыжи? Что ж, скатертью дорожка, как говорят.

А у меня тут Соболев ночевал, а потом получил комнату у нас в общ... Он, Соболев, сказал мне, что Г. Немченко тоже уезжает от нас в Майкоп.

Сегодня ездили в Бородино. Зрелище, сам понимаешь, захватывающее. Осмотр начали с шевардинского редута, где был дан первый бой французам перед бородинским сражением (Шевардинский редут значительно выдвинут от основной линии наших позиций. Пока шёл бой за него, наши успели достроить основные укрепления). Затем побывали на Багратионовых флешах, батарее Раевского, где сейчас могила Багратиона. Рядом растёт серебристый тополь, посаженный в день погребения. Это могучее, в четыре обхвата, дерево. В бородинском музее меня привлекали личные вещи Кутузова и Наполеона.

Знаешь, Миша, когда читал я литературу различную о бородинском сражении, то плохо представлял себе и дислокацию войск, и расположение укреплений и т. д. А сейчас другое дело. Посмотрел своими глазами и всё стало просто и ясно. Поле подзаросло новым лесом, которого не было в те дни. На поле 49 памятников различным воинским частям. А на командном пункте Наполеона французы поставили памятник сами.

Миша, ты просил подробнее о Эренбурге?

Нас пригласили в ЦДЛ для несения поч. караула. Так мне пришлось увидеть Эр. первый и последний раз. На эр. панихиде, которая состоялась тут же в зале, было сказано много хорошего. Говорил Б. Полевой, Ю. Жуков, представитель испанской Компартии, общества Фр. – СССР и т. д. В зал было невозможно пробиться, и мы слышали эти речи по радио в фойе ЦДЛ. Там я долго видел Твардовского. Он на панихиде в зале не был, а сидел в фойе тоже, курил, вздыхал и вынимал платок. Руки у него большие, жилистые и вид совсем не пощёного интеллигента.

Был там Евтушенко. Ну, этот был занят только собой, рисовался, производил впеч. страшно занятого, куда-то спешащего человека. Часа 2 он там винтом ходил (было народу много, и он, видно, думал, что все смотрят только на него). Короче говоря, видно, что это хват, каких белый свет не видывал. Этот не пропадёт, не затеряется в толпе. Были там Тихонов, Рождественский и мн. др.

Новостишек интересных нет у меня. «Октябрь» прокатил меня до 11 номера, как они говорят. Агеев сказал, что ставил на 8 нр, он ушёл в отпуск, и без него, мол, там поставили кого-то вперёд.

Стишки, наверно, придётся надолго забросить. Тяжеловато. Ребятам с выш. образованием легче. Они как бы повторяют пройденное, а мне всё это – первый снег на голову. Много приходится конспектировать.

Миша, а что с Игорем Киселёвым? Каков исход? Будешь в изд. – привет В. Банникову, В. Мазаю, ну, и Игорю, если он трудится в изд.

Ну, всего хорошего, Миша. Пиши, когда время будет.

Пока. 12.IX.67 г.

Письмо четвёртое: Миша, здравствуй!

У меня к тебе большая просьба: отнеси, пожалуйста, стихи в «Кузбасс». Посылать прямо на ред. не решился – концов не найдёшь. Отдашь их Бельчику с просьбой моей посмотреть их. Может быть, что-то понравится, и дадут. Мне сейчас так нужно рублей 50 – 60.

Дом тревожить уже не хочу. Не знаю – как стихи. Ещё не отлежались и есть ещё не нравящиеся мне самому места, но – нужда крайняя. После я их ещё погляжу.

Миша, если что-то им поглянется и дадут, то гонорар пусть перешлют сюда по адресу, который ты знаешь.

У меня пока всё нормально. В Москве холода, погода паршивая – все болеют гриппом. Я пока держусь.

Выписали мне очки – близорукость какая-то появилась. Зрение, мол, ещё пока хорошее, но желательно бы очки.

Ночевал у меня Рязанов. Он сказал, что В. Изм. уже переезжает, послал часть багажа. Из Коктебеля уже не возвр. в Кемерово. Говорит, что многие журналисты убежали на более тёплые места. Что ж, это естественно. Значит, Миша, ты там один из поэтов остался. Давай, разворачивайся во всю мощь, работай за всех нас – отсутствующих.

Измайлов через пару лет будет в Москве, убей меня бог. Кишинёв – это продуманный, хитрый финт.

Ну, ладно, Миша. В другой раз напишу больше. Сегодня три письма катанул: Олегу, тебе и домой. Писать много приходится, рука болит. И почерк совсем испорчу, видно, – спешка страшная.

Ну, будь здоров, Миша.

Привет Марии Ивановне.

Письмо пятое: Миша, здравствуй!

Может быть, я кажусь назойливым, отрываю тебя от дел своими пустяковыми письмами? Я не Измайлов, в эпистолярном жанре слабак. Пишу так, как и говорю – косноязычно, не изощряясь, не заботясь о стиле и логике. Что на душе, то и на языке. Просто хочется поговорить с тобой, поделиться кой-чем. А ты, Миша, если занят сильно бываешь, то не отвечай сразу, а отвечай, когда будет время и охота. Я не обижусь – понимаю.

Вчера получил твоё письмо с краткой консультацией. Очень рад, что тебе стихи понравились. Ты, обычно, – барометр верный и очень часто предсказываешь погоду в мою пользу. Хотя мне самому кажется, что в бородинском стихе вторая половина (от слов: ...жду гонца от старого фельдмаршала с кургана...) слабее, очень обща, общительна. Я ещё над ним подумаю. Если лучше сделаю, то хорошо, а нет – так оставлю. Говоришь, поработал хорошо? Это и мне приятно. А строфу ты мне прислал великолепную. Она чиста, глубока и естественна. А форма легла на содержание, как и всегда у тебя, – тютелька в тютельку. Нигде ничего не выпирает, не топорщится. Я так ещё не умею отделявать (об этом мы с тобой говорили как-то).

Нового я ещё не начинал ничего. На этой неделе поеду (в четверг) в Ясную Поляну. Может, что-нибудь оттуда привезу.

На днях был в ЦДЛ на вечере «Сибирских огней». Был Смердов, Решетников, Фоняков, Яновский.

Выступили Е. Пермитин, А. Караваева, С. Залыгин. Ну, и мы читали свои стихи с Женей Буравлёвым (он тут на пленуме). Сегодня он уезжает домой. Я звонил ему в гостиницу, простился.

Вчера была у нас встреча с Егоровым – это который водрузил знамя на рейхстаге, и с Девятаевым, вырвавшимся из плена на немецком бомбардировщике. Егоров – чудесный русский парень – скромный, простой. Он работает на молзаводе каким-то диспетчером. Я смотрел на него, когда он слушал Девятаева. Слушал, раскрыв рот, весь внимание и напряжённость. Как будто он – сам герой из героев! – ничего-то не видывал кроме своей деревни, не испытал, не имеет 14 орденов. Просто чудесный парень! А о себе, о водружении знамени, когда из 220 человек осталось 18, он рассказывал просто, обыденно как-то, словно дело это – так себе, обычное. И чувствовалось, что это не игра, а полное соответствие с его внешним обликом и, видимо, характером. Не могу представить на его месте одного из наших общих знакомых...

Видел в ЦДЛ Агеева. Помялся он и сказал, что стихи мои пойдут, может быть, в этом году. Но говорил неуверенно и как-то быстро смылся. Вообще, тёмное дело. После этого и идти больше не хочется ни в какой журнал московский. Смердов же мне сказал, что 4 стиха пойдут в декабре. И Саша Романов сообщил письмом о том же.

Приходилось мне читать стихи в среде московских поэтов. И я пришёл к такому выводу: если твоё стихотворение хуже, чем их, то они его похвалят. А если лучше, то тут же начнут говорить, выискивать блохи. Что-нибудь да найдут, но всё равно тебя принизят и посадят ступенькой ниже. Никакой искренности и честности в оценке. И это у них такое правило.

Один (некий В. Кочетов) пришёл в общежитие к нам и похвалялся во хмелю, что-де лучший стилист. А когда он прочёл стихи, я сказал, что версификация действительно на высоте, но она – ещё не поэзия. Да и стилизация под народность прёт через край. Он не обиделся, но и мне не стал делать замечаний. Короче говоря, я применил контрудар, и ему катить на меня телегу было уже неудобно.

Есть, конечно, ребята и неплохие...

...Дни пролетают довольно быстро. Скоро праздник, а там и Новый год не за горами. Лишь бы было всё хорошо.

Миша, если мои дадут, то пришли вырезку. И свои пришли.

Я в связи с посылкой стихов вспоминаю Женькино стихотворение:

Иной и двинул бы в столицу,
 Да пораскинет наперёд,
 Что там ему не прокормиться,
 А тут – корова, огород.
 ...И письма шлёт, и пьёт с тоскою,
 Что не пришёлся ко двору.

Горько, но так оно и есть.

Ладно, Миша. Будь здоров и весел. От души тебе – хороших стихов, как и себе тоже. Привет Марии Ивановне.

Ну, пока. 28. IX.67 г.

Письмо шестое: Миша, здравствуй!

Получил твоё письмо с рецензией и обзором. Обзор хороший. Всё доказательно, мягко, профессионально.

Я соглашусь с тобой относительно стихов А. Саулова.

Махалов не понял или не захотел понять «Родник». Оно не так уж созерцательно и декларативно, как ему кажется. Там ведь родник – символ Родины. На неё ведь извечно обрушиваются беды, но не только («Всё падают – то плод рябины красной, то сладкий плод с малинова куста»). Разве это только любование пейзажем? Не знаю, может быть, я неправ, но стиль не настолько плох, чтоб его причислить к лишним в книге. Да и сделан он как зачин к книжке.

Я согласен с ним, что стихотв. «Я ещё не забыл» – слабое, а вот «Сторона любимая...» и «Дождь перестал, как по указке», думаю, органичны в книге и сделаны. У него свой аршин неприятия. В конце рецензии он навешивает ответственность какую-то. Смотри-де, пиши лучше, а не то... Это тоже известный приём, которым пугают и сбивают с толку. Всё это вводит автора, как мне кажется, к излишним сомнениям, неуверенности, застою. Ведь бывает, что поэт, набрав какой-то потолок, долго идёт так, а потом – взлетел ещё выше. Это же сложно всё и надо понимать. А напиши я сейчас книгу чуть похуже «Земли», тот же Махалов с радостью крикнет на всю область: не оправдал, исписался, сник и т. д.

Миша, не подумай, что я оправдываю свои слабые вещи – ни боже мой! Ты же знаешь, что я всегда за конкретную, честную, понимающую критику, а не за беглую и субъективную. Не было ещё поэта, у которого бы всё принималось безоговорочно, а у меня грешного недостатков больше, чем у кого-либо. Я это понимаю. Я просто не люблю Махаловской манеры, метода.

Вот если б я тебе сказал, что-де пиши лучше, от тебя ждут, оправдай – ты бы сказал мне не что иное, как: «Пошёл ты...», ибо никто не знает, что и как он завтра напишет. Всё может быть. Думаю, что каждый сам стремится написать лучше, глубже, ярче, и не надо никому, чтоб Махалов об этом напоминал. Жаль, что он сам об этом забывает.

А так – приятно, что есть рецензия, отклик. Бельчик, говоришь, взял стихи. Хорошо бы напечатали.

Замерзаю, Миша. Холодно по утрам в Москве, а я, дурак, не взял тёплых вещей из дому. Понадеялся на «Октябрь».

Спасибо, Миша, за услугу. Перепечатывать-то не надо было. В ред. бы перепечатали, если бы решили дать. А то у тебя своей работы через край, а тут ещё я.

Домой хочется – страсть. Хоть бы на денёк – другой. Ты вот говоришь, что я могу остаться где-то здесь. Нет! Никогда! Я слабое в этом отношении деревце – не приживусь ни в какой иной земле, хотя она везде своя. Здесь мало написать стихи, даже отличные. Их ещё надо печатать. А это ох как трудно. Сходиться с людьми я не умею, лебезить, пресмыкаться – тоже. А таких не любят и не понимают. Был бы я моложе, с неустойчивым ещё характером, неокрепшим, то, может быть, и можно было метаться, искать чего-то. А сейчас и оставили бы здесь, так не остался. Не могу без мест, где знаю каждую

тропку, речку и т. д. И не люблю людей, у которых нет такой привязанности к родным каким-то местам. Я их просто не понимаю.

Вот бы встретиться, Миша. Наговорились бы до хрипоты, только бы сигареты отлетали. Встречи с тобой и простые наши беседы я вспоминаю, как самое дорогое.

Хочу, чтобы между нами никогда не пробежала никакая тучка, ни сквознячок – ничего. Это сохраняется только при честных и искренних отношениях, которые, я думаю у нас были и есть. Надеюсь, что будут всегда.

Ну, ладно, Миша. Пиши, когда будет время. Будь здоров.

Виктор. 30. IX.67 г.

Письмо седьмое: Миша, здравствуй!

Приезжаю сегодня из Ясной Поляны и вижу твоё письмо. Очень обрадовался. И стихи Махалова прочёл бегло – рифмовка его отталкивает, наверно, даже человека плохо мыслящего в поэзии. К тому же все они придуманы и реминисцентны, как всегда у него.

Сегодня в 7 утра мы отчалили из Москвы к Туле. Дорога великолепна, погода – тоже, ну, а природа Подмосковья, сам понимаешь, чудесна. Золото сплошное. По пути заехали в городок Чехов, а по-ранешнему – Лопасня. Сохранился в нём дом Васильчиковых, родственников А. С. Пушкина. После смерти Ал. Сергеевича дети его находились в основном там. В этом доме после останавливались – Гоголь, Чехов, Горький, Л. Андреев, Л. Толстой. А. П. Чехов в этом районе на свои средства привёл в порядок дороги, открыл 3 медпункта, школу и т. д. Здесь же, в Серпухове (12 км от Лопасни) он написал очень много своих произведений.

Рядом с домом – церквушка. Это очень интересный памятник старины, а главное, там похоронен сын Пушкина Александр Ал., генерал от кавалерии. Умер в 1914 г. Рядом – его жена. Но, осматривая эти дорогие места, возмущаешься до глубины души бездушным, безалаберным отношением к ним: церквушка приспособлена под склад: из неё несёт гнилью и плесенью. Всё в заброшенном состоянии. Больно и обидно всё это.

Ясная Поляна содержится хорошо, но и над ней нависла большая опасность: в 2-х километрах от неё построили огромный химкомбинат, и весь дым, газ, чад оседает на заповедный лес и деревья гибнут от этого. На кой чёрт этот комбинат тут нужен? Его можно было построить в другом месте, ведь он работает на привозном сырье, и топливо тоже привозное.

Музей этот первый в мире по количеству подлинных вещей (более 2 тыс.). Всё сохранено от Л. Толстого. В этом заслуга его жены – С. А. После революции было здесь много разной залётной птицы, которая хотела скупить за большие деньги хотя бы незначительные вещи Л. Толстого. Но она не продала ничего, а в 1921 г. здесь и открылся музей-заповедник по настоянию и предложению В. И. Ленина. Площадь усадьбы более 400 гектаров. Великолепный лес – дуб, ясень, вяз, берёза и другие породы. Множество аллей, прудов, тропинок. На могиле его – ни креста, ни обелиска – ничего. Простой земляной зелёный холмик. Так завещал. В войну немцы рядом с ним хоронили своих офицеров, а после войны их выбросили. Работа, говорят, была очень сложна.

Участвовала целая комиссия судебных экспертов и других специалистов. После об этом говорили на Нюрнбергском процессе. Вообще, впечатлений такая огромная гора, что давит. Может быть, я описываю элементарные, известные тебе вещи, но вот не могу удержаться. Какое-то взбудораженное состояние. Подробней обо всём потолкуем при встрече. На праздники нам обещают сделать долгий выходной – с 4 по 14 ноября. Многие ребята хотят слетать домой. Я вот тоже сижу и думаю: а не махнуть ли и мне.

Дело в том, что я записался на демонстрацию, думая, что всё равно делать ничего не буду и никуда не поеду. Я не знал, что такой большой выходной дадут. А являться на демонстрацию строго всем записавшимся, как нам сказали. Попробую уговорить начальство. Что-то загорелся мыслью о доме. Думаю, не будет большим преступлением, если я не явлюсь, правда?

На днях насмелся и пошёл в «Смену». Отдал 10 стихотворений в секретариат (там работает отв. секретарём мой знакомый Альберт Лиханов, бывший работник ЦК ВЛКСМ). Он взял взял, но ничего не сказал. Просил позвонить дней через 10. Может, что-то и возьмут. Хорошо бы было. Он спросил у меня, печатал ли я стихи в Московской периодике из тех, что вошли в кн. «Моя земля». Я сказал – нет. Говорит, что если не наберётся цельная подборка из стихов, мною принесённых, то он на свой вкус попробует взять из книги. Страшного-де в том ничего нет. Но это они всегда так говорят. Я уже никому не верю, пока не увижу стихи напечатанными. Всё не только от него зависит. Там сильная редколлегия и вообще...

Был на днях в библиотеке им. Ленина, в отделе редких книг. Походил, посмотрел. Есть очень интересные книги, начиная от первоизданного «Апостола» и до наших дней. Не только наши, но и заграничные.

Вот такие новости у меня, Миша, за прошедшую неделю. Вообще, живу насыщенно, плотно. Больше ничего не написал пока, некогда было. Может о Ясной что-нибудь напишу, но надо подождать пока перебродит, уляжется.

Посылаю тебе кленовый листок из Ясной Поляны.

Всего хорошего.

Виктор. 6.X.67 г.

Тут хочется немного отступить от переписки и напомнить читателю то стихотворение, которое родилось у Михаила Небогатова в связи с этим дорогим для него подарком:

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далёкой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга нежданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярк.
Отзвенел на ветру и увял.
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал...
С юных лет представлял я Толстого

Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем на летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноких раздумий любитель,
Он шагает. Вблизи никого.

И зелёная эта обитель –
 Не музей, а усадьба его.
 Вот присел на скамейку под клёном
 В светлом мире деревьев и пчёл,
 Вскинул брови и взглядом
 влюблённым
 Всё вокруг, как хозяин, обвёл.
 Скрылось солнце...
 При ламповом свете

Он опять за столом над строкой.
 И уже не старик в кабинете,
 А бессмертный художник Толстой!
 ...Льну глазами к листку золотому,
 Затаённо гляжу не дыша.
 Вновь как будто к чему-то святому
 Прикасается тихо душа.
 // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 15
 июня. – С. 3.

Продолжим листать письма.

Письмо восьмое:

Миша, здравствуй!

Получил письмо из дому и от тебя – радостно.

Репортаж твой мне понравился хорошей простотой и понятностью. Это я говорю с точки зрения рабочего человека, ставя себя на место любого рабочего. Думаю, что этому виду чужды накруты и какая-либо усложнённость. А у тебя и славословие (в хорошем понимании) и душевная теплота и гордость рабочим классом. Мужикам он будет очень по душе.

Рецензия на мой сборник тоже хороша. Не потому, что хвалит меня, а по манере, по тону и отношению. А. Ф. восстаёт там против такого построения фразы: «Лодка тихо и утло к теплоходу плыла». Ты как думаешь, правомерно ли такое построение? Мне кажется – да. Говоря о бревне, скажем, я бы не сказал «утло». А, читая о лодчонке, читатель, думаю, сам в уме построит обычную разговорную конструкцию: утлая лодка тихо плыла к теплоходу. Думаю, в поэзии могут быть такие смещения, только надо знать меру им. Возможно, я тут загнул сверх меры? Как тебе?

Ну, моя жизнь идёт эти дни плавно, без особых каких-то новостей. Немного приболел – простуда. Чихаю так, что, кажется, лёгкие выскочут из груди. Дня три назад захандрил, написал вечером тебе письмо тоскливое, отчаянное какое-то. А утром передумал отсылать, потому что это была «тоска момента», если перефразировать В. Изм. Вообще часто бывают угнетающе-тоскливые часы. Хожу, бывает, один по этажу, который можно представить по одной строке С. Есенина: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», и такая нападёт грусть, что невозможно представить...

...Познакомился здесь с В. Гордейчевым. (Приезжим писателям за неимением гостиниц дают комнаты в нашем общежитии). Парень – чудо. Спокойный очень, простой, умеет слушать других и ценить работу других. Обменялись с ним книжками с автографом. Вася Казанцев тоже здесь живёт. Видел его у подъезда, обещал зайти вечером. Он парень обычный и не пьёт.

Домой, Миша, не удастся съездить на праздники. Отменили нам сии выходные. Говорят, мол, вас потом до конца ноября не соберёшь.

Я написал Тоне, чтоб приехала дня на 3 – 4. 10 дней возьмёт без содержания и ей хватит. Ко мне поездом, а отсюда отправлю самолётом. Привезёт мне свитер, пиджак тёплый и т. д. О Ясной ещё ничего не делал. Боюсь, что не напишу. Сейчас не пишется пока, а потом на свежие впечатления наслоятся всякой всячины и может затушевать их. Хотя всё равно где-то когда-то, видимо, напишу.

Но зато сочинил стишок об одиноком журавле, которого видел на Пахре. Посылаю тебе – почитай и скажи – как он тебе? Итак, Миша, за полтора месяца я написал здесь 6 стихотворений. Правда, два из них по старым заготовкам. Думаю, это не плохо. Если так будет писаться, то хорошую книжку можно будет написать за 2 года. Я имею в виду объём, конечно. Листа 2,5 можно. Но ведь у нас зачёты в конце каждого семестра и нужно будет корпеть над конспектами и книгами. Правда, зачёты будут не по всем предметам, а только по эстетике, политэкономии, зарубежн. лит. и спецкурс по Достоевскому.

Вообще, Миша, страшно интересно всё, любая наука, когда она в системе, во взаимосвязи с другими науками и с самой жизнью. Преподают очень толково и так смело, что у нас на периферии уже давно бы от многих избавились.

Семинары творческие будет постоянно вести А. Межиров. Уже провёл 1 занятие. Мужик вроде ничего, хоть с первого знакомства трудно сказать что-либо. Он не из тех, что видны сразу до конца. Глазами красив, бабам, наверно, нравится. Выглядит довольно молодо.

О судьбе своих виршей в «Смене» ещё не узнавал. Во вторник сбегаю.

Да, надо бы забежать в «Сов. Россию», напомнить о себе и сказать, что я в Москве. У Васи Каз. книга планируется на 1 кв. Так уже начинают работать с ним.

Васька хвалил твои стихи. Говорит, что не помнит – то ли в «Сиб. огнях» или в вашем альманахе читал подборку и все понравились. Мне было приятно это слышать.

Перепечатал 15 стихотворений для обсуждения на семинаре. До меня уже двоих разбили в пух и прах. Но стихи были действительно слабые. Дадут и мне, не без этого. Это пусть. Если будут дельные замечания, то почему не прислушаться к ним.

Ну, ладно, Миша. Уже половина двенадцатого у нас, пора на покой.

Бывай здоров.

Виктор. 15.X.67.

Письмо девятое:

Миша, здравствуй!

Получил твоё письмище вчера вечером, а отвечаю сегодня вечером, т. е. 21 окт.

Хорошо, что хоть ты меня не забываешь и очень часто и подробно пишешь мне. Очень рад, что вирши показались тебе не совсем плохими в целом. С замечанием твоим вполне согласен. Надо поправить строку о крыле, это не трудно. Просто я не заметил этого грешка, когда написал его.

На днях приходил к нам на ВЛК Арсений Тарковский. Читывал такого? Я помню, что видел стихи его в магазине, но не купил его – не понравился чем-то, а чем именно, я понял только после этой встречи: холодностью, сухостью, умозрительностью. Видишь только, что он блестяще владеет формой, знает все тайны мастерства. Иногда царапнет за душу, а когда вдумаешься, то поймёшь, что царапнул опять же мастерством. Мастерство у него достигло такого уровня, когда его, мастерство то есть, можно принять за чувство. Я совсем недавно понял, что и под чувства можно подделываться.

Ведёт себя высокомерно, как бы познавши все тайны бытия. Не советовал читать стихи других поэтов.

О Пушкине сказал, что он ничего не создал в поэзии нового, а только собрал и придал стройность всему, что было до него. Ну, я уже не удивился этому. Я уже видел всяких ниспровергателей похлеще Тарковского. Да и ты их видел и читал. Я вот слушаю его, и во мне злоба закипает: какой-то гном позволяет себе так просто и даже с оттенком превосходства говорить, да о ком – о Пушкине! Я слушал, слушал, а потом стал с откровенной иронией улыбаться, глядя на него. Обнаглел тоже. И понимаешь, он не стал на меня смотреть. Думаю, понял мои мысли о нём.

Ну, ладно, бог с ним, расскажу лучше о сегодняшнем дне. Сегодня, т. е. 21 окт. я был на объединённом пленуме работников творческих. Проходил он в великолепном Дворце съездов. Я был первый раз в нём и дюже он мне понравился – чудо. Встретил Женю Буравлёва, поболтали. Вообще много было звёзд. Видел Твардовского и Рыленкова, Федина и Тихонова, Симонова и Вознесенского, Расула, Кайсына, Соловьёва-Седого, Хачатуряна, Хренникова – словом, легче перечислить кого не было на этом пленуме. Выступления были официальные. Кроме секретарей творческих союзов выступили только О. Гончар, А. Тарасов, А. Баталов, А. Хачатурян и ещё кто-то из композиторов. Потом заключительное слово Фурцевой и на этом работа пленума была закончена. Вообще очень интересно было в перерывах. Понаблюдал немного за Вознесенским. Он сидел немного сбоку и сзади меня с Ахмадулиной. Тоже дёрганый, пижонистый, сидел, гримасничал что-то и громко смеялся, обращая на себя внимание.

После пленума мы с Женей взяли такси и поехали по магазинам – Женя что-то искал себе, но так и не нашли что надо. Наездили 10 р. И поехали ужинать в ЦДЛ. Пить не пили, только поужинали и уже направились в гардероб, как видим – навстречу идёт В. Измайлов. Мы вернулись и выпили вместе по чашке кофе. За нашим столом был ещё Гордейчев. Володя прочёл своё новое стихотворение «Дикарь», надеясь поразить нас. Но Гордейчев разложил его по косточкам так, что дым от Володи пошёл. Он покраснел, глаза загорелись, пробовал защищаться, но защищался многословно и путано, а Гордейчев его очень умело и кратко садил всякий раз на место. Потом Володя наш простился и, сказав, что его ждут друзья, удалился. Мы взяли такси, Женя проводил меня и уехал к себе в «Россию». Завтра увидимся, может быть. Олег Дмитриев пригласил на день рождения завтра, но я не пью и не пойду, наверно. Парень он

отличный, позвоню завтра и сошлюсь на какую-нибудь занятость. Неудобно хитрить перед такими парнями, как Олег, но приходится, а то – гибель.

Володя Изм. хвалился, что его книжка в «С. России» – лучшая по качеству и возмущался, почему не дали массовый тираж. Уже, говорит, звонки в магазин и в издательство со всех концов Москвы: где, мол, книга Измайлова продаётся?

После этих славословий себе, хотя он делает это вскользь, как бы между прочим, он как-то не стал пользоваться вниманием за столом и мне его даже как-то жалко стало. Сколько ему понадобится сил, здоровья, умения жить среди этих людей, чужих ему, безразличных к его судьбе. Зря, думаю, уехал он из Кузбасса, где знали его и относились к нему всё же неплохо. Всего этого ему тут не видать, а если увидит отчасти, то стоит ему это будет очень дорого. Какой-то он неестественно-живой, деятельный, но всё равно жалко его и смотреть на него мне не весело было. На днях он обещал заехать в общежитие ко мне и Гордейчеву (он ещё живёт у нас в общ.). Володя, как я понял, хочет на всякий случай застолбить и там место, в Воронеже. Это на случай, если не проживётся в Кишинёве и не добьётся Москвы. Надо бы посоветовать ему не выпендриваться перед Гордейчевым – тот парень умница и Володя где-то может перегнуть и не понравится ему.

Володя будет в Москве долго, видимо. Говорит, буду, мол, наведываться в бюро по обмену с тем, чтобы, долго не засиживаясь в Кишинёве, сразу – в Москву. Не знаю как это ему удастся. В ЦДЛ – он свой человек, а друзья у него все кучерявы.

Ну, ладно, Миша, может, всё это не интересно, а я расписываю.

Уже второй час ночи, а я вот пишу от этой поздноты ещё более бессвязно и косноязычно. Но ты меня знаешь, я глаже не могу.

Будь здоров, Миша. Всего тебе хорошего.

Виктор. 22.X. 67.

Письмо десятое:

Миша, здравствуй!

Как живёшь-можешь? Что новенького в твоей жизни? У меня пока всё идёт спокойно. Эту неделю не учился – болел. Просквозило где-то, поднялась температура, пришлось вызывать врача на дом. Завтра, т. е. в субботу, иду в поликлинику. Чёрт, никак не могу привыкнуть к этому климату и сквознякам. Да не один я, а нас тут человек 8. Есть ребята ещё в худшем состоянии, чем я.

Володю Измайлова больше не видел. В ЦДЛ не был, а он не приезжал в общежитие, хотя обещал Гордейчеву. Видимо, пересмотрел планы относительно Воронежа.

Встречался я с Астафьевым. Он у нас живёт. Говорить, правда, не говорили – некогда было. Вечером, наверно, схожу к нему – звал.

Четвёртого ноября еду в Домодедово встречать жену. Пусть поглядит, как я устроился. Ну, по магазинишкам побродим и т. д....

К Москве я привык. День буду ездить, бродить и не устаю.

Писать не пишу – голова болела страшно. Сегодня первый день отпустило. Даже почитал Платонова. Знаешь, Миша, действительно хороший писатель. Многими вещами мне понравился очень. Редкостный писатель по языку. А вот Достоевского всё не могу начать, хотя у нас по нему зачёты («Преступление и наказание»). Без него грусть-тоска, а начитаешься на ночь Дост. – совсем одуреешь.

Соболев А. вернулся из свадебного путешествия по югу и, прожив у меня 2 дня, отбыл в Пермь. В. Астафьев говорит, что, мол, с квартирой дело там не в ладу и книжку сдавать в набор будут в ноябре. Соболев имеет большую пробивную силу. Наверно, пятый раз издаёт и переиздаёт свои повести и рассказы. Ну, бог с ним.

А «Кузбасс» меня маринует. Хорошо бы хоть до праздника прислали. А может быть, уберём адрес? Я напишу, наверно, на бухг., а то тебе тоже неудобно снова напоминать им.

Ну, ладно, Миша. Будь здоров и весел, хорошо проведи праздник, но много не принимай ради здоровья.

У нас уже снежок, должно быть, залётывает. Здесь пока тепло.

Ну, всего хорошего.

Виктор. 28.X.67

Письмо одиннадцатое: Миша, здравствуй!

Дня два назад я жаловался тебе, что «Кузбасс» забыл обо мне, а сегодня беру свои слова обратно. Получил 82 руб. Заплатили, как видишь, хорошо. И приобрёл я себе зимние ботинки чехословацкие за 32 р. Больно уж понравились.

Говоришь, выбил 2600 строк? Это, конечно, не очень много, если взять всё тобою сделанное, но что поделаешь? Хорошо и так. Сборничек вообще будет пухленький. Название мне нравится: «Свет в окне». Только одно немного настораживает: у нас часто о ком-нибудь и о чём-нибудь говорят осуждающе-иронически: «Тоже мне – свет в окне». Не будет ли это бросать тень на название? А так всё хорошо и таких названий я не слышал. Ты позвони И. Балибалову, он дотошный и чувствует слово. Я – «За».

Я же новых стихов пока не написал. То некогда, то болел. Сейчас давление сбил до нормального, но сильно утруждать себя, утомлять пока рискую не очень. Надо постепенно. Кроме всего я бросил курить. Уже две недели не вижу папирос и, надо сказать, тяги особенной не испытываю. Вот и не сажусь за стол. Думаю, что не выдержу и закурю. До праздников не буду писать. А там можно месяц поработать и начинать готовиться к зачётам.

Володю Измайлова я больше не встречал. Я в ЦДЛ не навязываюсь – нечего делать в этой яме. То, что ты пишешь о Лие, похоже на неё. Но неужели она в Кемерово? Ведь Володя говорил, что она, мол, в Кишинёве сидит, а я-де тут ищу возможность обмена уже Кишинёва на Москву. У этого «прямого» человека без пол-литра не разберёшь что к чему. Сейчас он занят организацией рецензий на книжку. Сия компания изрядно вывернет ему карманы. Я уверен, что

он не уедет из Москвы, не организовав рецензий в 2х – 3х журналах. Ну и пусть. У каждого своя дорога.

Я на днях заходил в «Сов. Россию», но застал там только В. Кострова. Он работает в отделе поэзии национальной. Он, естественно, ничего сказать мне не мог о моём сборнике. Пришлось звонить. Валентин Ермаков (редактор, поэт) сказал мне, что книга отдана художнику на оформление. В декабре думают сдать в набор. Правда, он мне ничего не говорил о стихах. Пообещал разыскать меня, когда понадобится.

Миша, а что если тебе так исподволь отпечатать листа 3 лучших на твой взгляд стихов и послать им? Пусть полежит год – два, время быстро летит, глядишь, и выйдет. Думаю, оно не лишнее тебе будет. Мне кажется, что отнесутся к твоим стихам очень хорошо. А если хочешь понадежнее, то передай Жене, когда он поедет в Москву, или мне после Нового года. Наша нерешительность всегда против нас же и оборачивается.

Ну, у меня пока всё по-старому. Новостешек вроде нет. Стихи мои пока не обсуждали. На семинар к нам приходил С. Марков. Ты же знаешь, что стариков молодые не очень жалуют, но этот старик всем понравился: и говорил толково, и стихи хорошие читал.

Читал ли ты Вознесенского? По-моему, он уже помешался на этих писсуарах, не имеющих никакого отношения ни к Сибири, ни к поэзии вообще. Он меня раздражает. Я уже, как блевотину, не могу его переносить.

Поначалу я терпел его, думал, что он найдёт что-то оригинальное, интересное. Теперь вижу, что запурхался в мусоре, повторяется, и из всего хлама прёт одно – «Я». По-моему, это не поэзия, а безобразие какое-то. Он уже многих сбил и ещё многих собьёт с пути истинного. Это скорее не «за реву», а «За «б».

Ну, ладно. Он же гений и не нам, простым смертным, обсуждать дела, им содеянные. А вообще пора бы этого гения изловить в тёмном месте да ремешком по седалищу, чтоб писал вразумительно и к душе русскому человеку.

У нас, наверно, снежок залётывает? Здесь уже всё голо, но зимой пока не пахнет и странно как-то слышать, что где-то уже мороз до 30°.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне большущий, пусть тебя не обижает.

Доброго здоровья, весёлого праздника!

Виктор.

Письмо тринадцатое: Миша, здравствуй!

Напрасно ты беспокоишься, что задал мне хлопот. Забежать в универмаг мне не составляет никакого труда, что я и делаю каждый день. Но пока ничего нет. Шаром, как говорят, покати. Есть размеры 39 – 40. Я тогда как-то просто счастливо наткнулся. Такая досада, Миша, а что поделаешь. Тоня тоже искала кое-что из обуви, да так и уехала ни с чем. Я вот уже неделю ищу шапку себе.

Хотелось бы меховую какую-нибудь. Объехал все магазины Москвы, но... Берут где-то люди не только заячьи, но и ондатровые, а мне вечно не везёт.

Настроение паршивое. Думал что-нибудь поработать, но у нас отобрали творческие дни за долгий праздник, а в дни занятий никак не получается. Приезжаю в 5 домой, пока сготовишь что-нибудь перекусить, то – смотришь, уже 8 часов. Да и вообще после 6 часов лекций не работается. Кроме этого надо много читать. Недавно с горем пополам прочёл «Преступление и наказание» Достоевского. Сразу б не стал читать его, если б не зачёты по нему. Страшные книги, как он только их писал. Ещё нужно обязательно прочесть «Семью Тибо» и Экзюпери кое-что. И на всё время надо, и немалое. Пока что до Нового года я уже твёрдо отложил перо в сторону.

Здоровьишко так себе. Дома, может быть, уже поправился бы. Здесь же нет возможности и дня высидеть дома, не выходя на улицу, а врач рекомендует как можно меньше бывать на улице. Видишь, Миша, я очень много курил на заводе, и вместе с дымом вздыхал в себя порции газа. А результат плачевный: воспаление дыхательных путей и раздражение слизистой оболочки носоглотки. А при сыром климате это особенно обостряется. Мне уже гораздо лучше. Скоро холода подсушат воздух, и, может быть, совсем поправлюсь.

У тех ребят, с которыми я как-то больше сдружился, теперь жёны. Приехали. Вообще не разрешают, но у нас же всё обходится. Так что я теперь совсем один. Совсем отшельником стал. А это редко какой оптимист выдержит. Но я ничего пока, держусь, умею пока не скучать один. Лежу и придумываю себя в самых различных ситуациях и местах. Иной раз такой сложный сюжет закручу (где я сам, разумеется, главный герой), что просто диву даюсь – до чего забавно и увлекательно.

Стихи мои будут обсуждаться 23-го. Прошлый четверг вместо обсуждения приходил к нам режиссёр Чухрай. Слушали его с большим удовольствием 4 часа без перерыва. Очень талантливый человек и красавец-мужчина. Говорил много интересного о западных фильмах и наших. Беседовал с нами также В. Ардаматский – «Сатурн» почти не виден». Сам он, видимо, не очень интересный, но рассказал много интересного о работе в архивах, о сличении наших и немецких архивных документов и т. д. Сейчас он написал повесть о Борисе Савицком, опубликовал в «Неве» №№ 9 – 10 – 11. Надо будет почитать – там много познавательного и почти нет, как он говорит, вымысла. Ведь эта операция разрабатывалась и осущ. при активном участии Дзержинского, Менжинского и др. Но представляешь, как всё забывалось в N-ые годы. На всех папках печати 1925 г. И никто к ним с тех пор не притрагивался.

У нас-то, Миша, снежок, морозец, наверно. А здесь слякоть, сырость промозглая. Останкинская башня видна до половины. Другая половина в тучах где-то. Вот смотрю на неё, а мысли далеко, в Сибири. Скорей бы декабрь пролетел, числа 27 дома должен быть.

Володину книжицу так и не купил. Забежал в лавку, но забыл спросить про неё. Купил Твардовского и Ручьёва. В ЦДЛ хороший книжный киоск, но я туда не ходок, хотя вот и сегодня был рядом.

Володя теперь уж, наверно, отбыл на юг, к новым своим пенатам. Ко мне так и не наведалься. Да что ему я!

Смотрел ли, Миша, четвёртую серию «Войны и мира»? Я смотрел. И вот теперь уже вся она перед глазами и, знаешь, не очень-то, не фонтан, как говорят. Это скорее по мотивам романа. Местами он, мне кажется, опускает много толстовского, сильного и акцентирует внимание на ситуациях и картинах, актуальных сегодня. Смещение некоторое. Может, так и надо, и это специально. Не знаю.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне.

Виктор.

Письмо четырнадцатое: Миша, здравствуй!

Наконец-то обсудили мои стихи. С этого начинаю потому, что более важного чего-то не было за эти дни в моей житухе.

Начали обсуждать ещё на той неделе, но не уложились в 2 ч. И сегодня, т. е. 30-го, закончили это дело. Обсуждение вообще было объективно. Каждый начинал с того, что стихи искренние, от души и т. д. Много было сказано в мою пользу, хотя и всё отрицательное, разумеется, тоже в мою пользу, т. е. на пользу мне. Особо говорили о некоторых длиннотах, пространственности, как любит выражаться Абрамович. Есть разжёвывание и неряшливость в отделке, неточности. Хороших слов было примерно столько же, сколько и плохих. Были и нелепости, которые я отвлёл, не принял. Например, говорил один друг, что «птицегрудые» плохо и почему, мол, именно в три струны трезвонил ветер, а не в четыре – до чего ограниченно, узко люди судят и понимают язык поэзии.

Межиров же говорил не очень много и главное, что он подметил – это то, что школа (под школой он понимает общую культуру, прочитанное, внушённое, перенятое и т. д.) стоит намного ниже природной одарённости... Он говорит, что редко бывает в жизни соответствие одарённости и школы. Обычно школы больше у людей. Говорил ещё о том, что замысел иногда превышает уровень решения, воплощения. Редко, но чувствуется «жесткость конструкции», как он выразился. В лирическом стихе, мол, можно не всегда гнаться за точной рифмой и чётким размером, иногда можно этим и поступиться. Вот, в основном, всё, что он говорил. Короче говоря, можно с ним соглашаться, а можно и не соглашаться. Да он и сам говорит, что слушать слушал, но не брал это в качестве канона, эталона.

Ну, человек он большого опыта не только поэтического, но и как руководителя семинаров, и слушал я его с большим вниманием и доверием. Настроение от сей компании осталось прежнее, основных творческих принципов моих не поколебали – всё хорошо. Со многими замеч. согласился. Ну, всё остальное тоже пока хорошо.

...Сегодня последний день месяца. Осталось ещё 25 дней, а терпежу нет никакого. Так и ушёл бы пешком домой. В Москве мне совершенно не нравится. Город, сам знаешь, чудесный и т. д., но не для моего полевого характера. Сейчас я в этом убедился твёрдо. Очень томит одиночество...

Погода сейчас в Москве – чудесная. Тепло и снег идёт все дни.

Из книг я ничего хорошего пока не купил. На днях, правда, приобрёл «Битву за Кавказ» Гречко. Но книга мне не понравилась тем, что очень суха – сплошные цифры, даты и обозначения частей и т. д. Нет живинки. Причём, это не воспоминания, а с претензией на некое научное пособие. Говорит не об армии, которой командовал, а обо всём, что делалось на всём Северо-Кавказском фронте.

Больше в этой серии новинок нет пока. Хотелось бы заполучить книгу конструктора Яковлева. У нас она прошла как-то незаметно, видно, в моё отсутствие. Говорят, хороша. Что это так, можно... (неразборчиво. – Прим. Н. Инякиной), что даже в Москве её не видно, а спрашивают. На Арбате есть магазинчик военной книги, надо бы наведаться.

...О рецензии твоей, Миша, судить не могу, потому что книжки не читал. А так написано хорошо. Ты купи на меня 1 экз., а то разберут к моему приезду. Книжка должна быть интересной, свежей – первая. Хотя мне не нравится его рифмовка, почти евшушенковское: «Чемберлен – человек». Ерунда какая-то. Надо Межирову сказать – вот, мол, ваша «ослабленная конструкция». Что же в ней хорошего? Межиров очень любит Есенина и превозносит на все лады. Ругает Твардовского за то, что он в статье об Исаковском говорит, что Исаковский-де понял, куда идёт деревня, а Есенин нет. Межиров говорит, что Есенин всё понимал лучше И. и Т. вместе взятых. Ну, и много другого хорошего о нём.

Ну, ладно, Миша. Как бы мне прокуковать ещё месяц? Настроение такое, что и за переводы не хочется браться – неделю лежат на столе... (письмо не окончено. – Прим. Н. Инякиной).

Письмо пятнадцатое: Миша, здравствуй!

Совершенно солидарен с твоими возмущениями по поводу обсуждения моих стихов. Я, честно признаться, не придаю этому обсуждению особого внимания и значения. Почему? Потому, что ожидал большого, серьёзного разговора, но не получил его. Самая сильная (я считаю) сторона стихов – задушевность, естественность интонаций, язык – были опущены совершенно. Об этом даже и не сказал никто. Да и кто мог сказать, если на семинаре 3 человека, которые знают русский язык. Но и то знают, так сказать, общелитературный язык, грамматику. А нюансы, оттенки этимологические и другие, дух языка – никто не знает. Не пожелал говорить об этом и Межиров. Вначале он покорила меня эрудицией, но сейчас, подумав, я изменил своё отношение ко всему. И если я сразу как-то поверил, что семинары именно могут дать больше всего пользы, то сейчас ясно вижу, что наоборот. Мне больше всего дают лекции по языку художественных произведений – стилистика. Очень ценные, необходимые нам лекции, тогда как семинары идут на уровне лит. групп. Ценным считаю также Теорию литературы.

В смысле вообще приобретения знаний, считаю очень интересным предметом политэкономия и менее – философию. Но есть предметы, которые в общем-то мало что дают, добавляют к тому, что я уже знаю. Это такие лекции как «Русская лит.» (19 в.), Зарубежная литература, Изобразительное искусство и другие. Эти лекции наиболее обзорны,

поверхностны и ничего почти нового не дают. Здесь более интересны всевозможные экскурсии в историю.

Живу ничего пока. Курево уже вылетело из головы и уже не нужно усилий для того, чтобы побороть желание закурить. Но писать не пробовал ещё. Подошло время усиленно готовиться к зачётам. Повторяю кое-что по конспектам.

Погода тёплая очень. Навалило снегу, и теперь этот снег тает – сам представляешь, что это за ерунда. Вода и сверху и снизу. Не знаю, в Москве ли Володя Измайлов. Он ко мне не заявлялся, а я в ЦДЛ не хожу. А это единственное место, где его можно встретить наверняка. Но, думаю, вряд ли он уже успел переехать в Москву. Просто, видимо, наездом. Благо, теперь он не очень далеко живёт.

На днях один студент передал мне записку, в которой был номер телефона Бельчика. Он был в Москве, звонил в общежитие, и студент этот, проходя мимо, взял записку, чтоб передать мне (телефон на 1 этаже). Но, не найдя меня, он не сунул бумажку в дверь, а положил себе в карман (был в подпитии). Мне эта бумага попала лишь через неделю. Очень обидно. Неплохо бы повидаться, поболтать. Увидишь Бельчика, скажи – как получилось, что я не смог ему ни позвонить, ни вообще знать, что он в Москве. У нас плохо с вызовом к телефону. Живём на 7 этаже, телефон на 1-м, и чтоб кого-то позвать, надо подняться, а лифты не работают. Кого-нибудь пошлют крикнуть, он пока идёт – забудет, кого надо позвать, махнёт рукой и уйдёт к себе. На этом и кончается.

У нас сейчас открылись двухмесячные курсы писателей, пишущих на молодёжные темы. В одном здании с нами. Из Сибири очень мало, больше из республик. Приехал В. Кортаев из Вологды. Встретились как старые знакомые. Хожу к нему – очень люблю слушать вологодский выговор. Стихи у него хорошие – русские и без выкрутасов. Одну книжку он мне подарил.

Книг хороших пока не приобрёл. Завтра поеду специально...

Ботинок, Миша, не вижу – вот беда. Есть малые размеры – 39 – 40. Возможно, и бывают, но надо караулить. Когда я искал шапку, один продавец сказал мне: – Мы сегодня целый час торговали шапками, но сейчас уже нет их. Т. е. тот, кто случайно оказался в это время возле, тот взял. Или тот, кто с утра дежурил и знал, что будут давать. Это же такая прорва, какой и представить невозможно. Деньги везде ношу при себе на случай если что-то увижу, но... Может, где-то выкинут, но их хватает тоже не более как на час. Немудрено, если учесть, что через Москву проезжает только более миллиона человек в сутки, не считая половины этой цифры командировочных и т. д. Но, может, что-то улыбнётся

У нас, наверно, морозец крепчает. Вот плохо, что снегов нет. Я люблю снежную зиму.

Ну, ладно, Миша. Пока. Будь здоров и всего тебе хорошего.

А слухам, что в Кузбасс не вернусь, – не верь. Не вернусь только в том случае, если не буду жив. А жить я люблю. Хочу жить долго.

Привет Марии Ивановне.

Виктор.

Письмо шестнадцатое: Миша, здравствуй!

Получил вчера аж три письма – из дому, от тебя и от Женьки Буравлёва. Пишет Женя, что скучно, все разбрелись по своим углам, все своим делом заняты. 25-го дек. будет в Союзе совещание-семинар молодых прозаиков. Сразу же, видимо, будут рекомендовать достойных в Союз. От нашего отделения приедет Генаша Емельянов. Если у меня будет время, то я постараюсь быть на этом семинаре. Но это вряд ли. 25 – 26 – 27 у нас зачёты за 1 семестр. А зачёты не с утра, а после лекций. Так что с утра на лекциях, а после четырёх – зачёты эти самые.

Был на днях в «Сов. России». Ходили с В. Коротаяевым (у него тоже книга на 1968). Ему показали обложку, но она не понравилась, и её будут переделывать. А эскиз моей обложки художник уже приносил в изд., она была одобрена, и сейчас этот художник работает над ней. В. Ермаков (редактор) парень хороший. Русак из Тульской или Ростовской области... По стихам мы ничего пока не говорили. Коротаяеву он сделал некоторые замечания и сказал, что-де не настаивает на переделке. Смотри, мол, сам, можем выпустить и в таком виде, какой стихи имеют. Короче говоря, очень не навязывает свою волю. А парень понимающий (он – поэт и неплохой).

Видел в изд. В. Кострова и В. Парфентьева. Парфентьев спрашивал о Володе Измайлове – как он там? Для него было неожиданностью то, что Володя уже в Кишинёве. Из этого разговора я делаю вывод, что слухи о проживании Володи в Москве ложны. Уж Парфентьев знал бы это – из ЦДЛ не выходит. Он же всегда приписывает Володе то, что, наверно, удивляет самого Володю.

Коротаяев звал сегодня к Викулову, но я не пошёл, неудобно. Если случайно сведёт судьба – другое дело, а идти специально не хочу. Был бы он просто поэт, а то ЗАМ., шишка. Кстати, Миша, не обратил ли ты внимания на стихотворение А. Яшина «Грачи» в «Литгазете» с месяц назад? Оно там в довольно обширной подборке. Если не обратил, то открой подшивку (ты же хранишь газеты) и прочти. Вообще он печатается не очень часто, но стихи всё лучше и с болью, с раздумьями. Раньше я не очень как-то жаловал его вниманием.

В «Смену» ещё не ходил и не звонил. Надо бы, конечно, справиться. А из «Октября» забирать, Миша, нет смысла. Ведь стихи-то там те, что уже вошли в книги. Я просто не говорю им, ребята не советуют. Если напечатают – дай бог, а нет, так нет. Да, в «Сиб. огнях» кто-то, видно, завёлся такой, что тоже надо прошибать. Я не думаю, что это сам Романов, он, конечно, предложил редколлегии всё, что ты прислал. А уж среди той братии кто-то... (далее – неразборчиво по нижнему краю страницы. – Прим. Н. Инякиной). ...Он, мне кажется, сухой человек и язвительный. Может съязвить и Н. Самохин. Не знаю, я тоже на Новый год ничего не готовлю для них пока, хотя уже Романов просил. Потом я какую-то анкету заполнял для них. Была ли тебе сия анкета?

Погода у нас, Миша, тёплая – 2° – 3°. Такой, знаешь, мягкий, густой снег валит... Но долго ходить не могу пока. Укоренившаяся во мне простуда не велит. Нет ни насморков, ни кашля, а просто ломает все кости и хрустит весь мой остов, как деревянный. На больницу махнул рукой и буду лечиться дома

кустарно как-нибудь. Что-то надо придумывать. А так – всё хорошо. Осталось 10 дён до каникул. Надо как-то дотянуть.

Ну, ладно, Миша. Бывай, как говорят. Да, забыл о стихах. Стихи понравились мне, а строфа, что раньше присылал, – лучшая, мне кажется.

Привет Марии Ивановне. Борись с гриппом, ешь лук, а в нос капай сок лимона или цветка...(дальше – неразборчиво по нижнему краю страницы. – Прим. Н. Инякиной).

Письмо семнадцатое: Миша, здравствуй!

Ну, вот я и добрался. В дороге ничего не стряслось, всё благополучно. Комнату свою нашёл в полном порядке, ничего не тронуту.

Чувствую себя так, как, наверно, чувствует себя приговорённый к суровому наказанию. А ведь ещё 4 месяца! Не дай бог уезжать на такой большой срок от семьи, родных мест.

Ребята ещё не все приехали, на этаже тихо и скучно.

«Сиб. Огни» выслали сюда 140 руб., но машинок с крупным шрифтом не стало. Говорят, что надо записываться на очередь. Как ты думаешь – стоит ли купить с мелким шрифтом? Они есть. Если же брать в комиссионке... Всё-таки старьё. Короче, не знаю, что и делать.

А. Соболев просит рукопись на 1969 год в Перми. Говорит, что железно (он там главный редактор). Говорит, мол, малость новых, а остальные старые, только чтоб не из тех, что идут в «Сов. России». Надо обдумать, что там у меня имеется на сегодняшний день и дать ему ответ. Прислал мне, хорошее по-моему, письмо В. Астафьев. Я высылаю тебе его письмо не затем, чтобы похвалиться, мне этого не надо, а думаю, тебе будет интересно от него услышать некоторые мысли о поэзии и литературе вообще. Писатель он, как ты знаешь, большой, русский очень, всё растущий, и интересно знать, что он думает.

Такие письма старших товарищей помогают, мне кажется, крепче стоять на ногах, отбрасывать сомнения, утверждаться на избранных позициях.

Ну, остальное здесь всё пока по-старому. Погода тёплая (– 5° – 6°).

Миша, пиши, когда будет время, не утруждай себя, не отрывайся от основной работы.

Купила ли М. И. ботинки? Если нет, то буду приглядывать. Ну, всего.

Виктор.

Письмо восемнадцатое: Миша, здравствуй!

Я очень рад, что и тебе письмо Астафьева понравилось. Да и не могло не понравиться. Ведь он говорит то же, что говорил и всегда говоришь мне ты. Он целиком разделяет твою точку зрения на литературу, да и мою тоже. За тем, собственно, я и посылал тебе его письмо.

Я живу ничего. Если бы была возможность хоть раз в месяц побывать дома, то и совсем хорошо было бы. Всё-таки 4 месяца срок довольно долгий.

Нового ничего нет, т. е. такого, что взбудоражило бы хоть немного. 20-го пойду в ЦДЛ – будет торжественный вечер, посвящённый Армии. Будут

большие военачальники, как сказано в пригласительном билете. А я, ты знаешь, это дело люблю.

Была у нас встреча с Квятковским, составителем словаря поэтического, он у тебя есть, этот словарь. Старик очень интересен. Ему 80 с хвостиком, но живой и умом, и телом, как говорится. Интересен он, прежде всего, своим самостоятельным взглядом на литературу, её теорию. Он говорит, например, что стих Маяковского (лесенка) совершенно не оправдан, что это нарушение или, точнее, разрушение стиха. Приводил убедительные примеры, и с ним спорил Межиров, но менее убедительно. Ещё он говорил, что выражение «форма стиха» – неграмотно, неправильно, а мы по какой-то традиции продолжаем так говорить. Никакой, мол, формы стиха нет, а есть НОРМЫ стиха, и они не имеют ничего общего с содержанием. Содержание выражается определёнными нормами ритмическими, а ритм к метру, размеру неприложим. А у нас, мол, путают эти понятия. С ним, вероятно, можно спорить, но всё-таки изыски эти, на основе изучения всей мировой поэзии, мне кажется, сами по себе интересны.

Звонил в «Смену», узнавал насчёт своих стихов. Богучаров говорит, что стихи в общем понравились и буду, мол, предлагать где-то на июнь – июль. До июня уже всё забито. Можно, говорит, дать два – три стиха и раньше, но хочется сделать подборку побольше. Не знаю, насколько правда то, что он говорит. Если это так, то не плохо.

Миша, купил я себе машинку чехословацкую «Консул». Очень хорошая вещь, но шрифт мелковат. Примерно такой, как у «Москвы», или чуть мельче. Но они дали запасной шрифт, крупный. Перепайка займёт 1 день, если договориться с мастером, но это стоит 30 руб. Я пока не располагаю лишними деньгами, и поработаю с этим шрифтом пока. С постановкой крупного шрифта интервал между строк не нарушается, это предусмотрено конструкцией. Короче говоря, я доволен покупкой и уже освоил её вполне.

Стихи, правда, не пишутся. Но 1, чтоб не валять дурака, начал писать в прозе. Написал 2 главы. Получится или большой рассказ, или маленькая повесть. Действие происходит в деревне, перед войной. Рисую деревенскую жизнь, быт, нравы. Отсюда и лексика, и образы упрощённо–выпуклы до натурализма. Основной стержень такой (я уж поделюсь с тобой): В деревню приезжает незнакомый мужик, выдаёт себя за друга одного из сыновей деревенского старожилы, работающего в городе (сын в городе). Принят приезжий хорошо, радушно. Отдыхает, помогает по хозяйству, и в одно прекрасное время обворовывает соседа. Ну, это я тебе упрощённо, конечно. Вот, а вокруг этого всего – деревенская жизнь. Главная идея – чрезмерная доверчивость, простота и беспечность русского человека. Не знаю, как я её сделаю. Показывал нашим ребятам – прозаикам. Они не верят, что я прозой не писал. Вот такие дела, Миша.

Если мне удастся мало-мальски эта вещица, то я буду продолжать. Ты знаешь, как интересно работать в прозе? Я просто упиваюсь. И до чего всё не просто и нелегко. 1,5 – 2 страницы в день, больше не могу. Название дал «Приходите в гости».

Дома, пишут, всё хорошо пока. Путёвки я заказал на июль, но в литфонде сказали, что есть только три на июнь, с 17-го. Написал Вере Антоновне. Если это мой заказ, то здесь и выкуплю их. Получил в «Октябре» 290 руб. Как раз за путёвки расплатиться хватит.

Ну, ладно, Миша. Будь здоров и не злоупотребляй.

Привет Марии Ивановне.

С приветом, Виктор.

Письмо девятнадцатое: *Миша, здравствуй!*

Пишу тебе на машинке не потому, что так мне хочется, а потому, что кончилась паста в шариковой ручке. А сегодня воскресенье, заправить негде.

Получил твоё письмо, которого, признаться, ждал долго и с нетерпением. Думаю, захворал или осерчал что-нибудь. Но, слава богу, всё нормально.

Я эти дни, весь февраль, не очень ленился. Отпечатал и отослал Соболеву рукопись /1000 строк/. Перевёл три стихотворения с черкесского. Я уже раньше переводил этого парня – стихи его принял журнал «Знамя» в моём переводе, как он говорит, но они попросили добавить ещё два – три стихотворения.

Кроме всего этого, написал рассказ, о котором сообщал тебе. Показал кое-кому из ребят. Сходятся в одном: язык великолепен, знание того, о чём пишу – тоже, но в общем рассказ, говорят, только картина, а сейчас, мол, надо, чтоб была мысль, и тут каждый предлагает свои пути и варианты. Чёрт его знает, я в этом деле мелко плаваю. Решил отложить этот и засесть за другой рассказ. Он будет по фактуре этого, но с другим сюжетом и другими задачами. Потом посмотрю, что лучше получится.

В рассказе /20 стр./ я всё сконцентрировал на краже в деревне, показал простоту и доверчивость деревенских жителей. Вора ловят, но он всё-таки сбегает, то есть зло ещё ходит по земле, хоть и на одной ноге /вор хромой/. Мне сказали, что это, мол, невесомо, надо конфликт закрутить погуще. Чёрт его знает...

В другом думаю провести две линии. Старший из братьев одной семьи живёт в городе. Потом он приезжает в деревню к родителям, и в нём идёт постоянная борьба – и в городе-то он не нашёл того, о чём мечтал, уезжая туда, и возвращаться в деревню неудобно. Последнее всё же побеждает, т. е. у него окончательно созревает решение вернуться в село. Это, мне кажется, больной сейчас вопрос, целая проблема.

Вторая линия – меньшей братишка. Он в том возрасте, когда всё хорошо, радужно, беззаботно. Он прост и доверчив, все ему кажутся добрыми, а если и попадёт иногда за чужой огород, то это бывает больно только физически, так сказать. Но вот он неожиданно, впервые влюбляется в женщину, боготворит её. Всё это чисто, светло. Он ещё не знает пошлости. Но вот, приехавший старший брат, нахватавшийся городских манер и наглинки, показной бравады, просто и легко, на глазах младшего, делает с этой женщиной то, о чём младший и в мечтах не допускал. Первое ранение в душу, первые раздумья о жизни и т. д. Одним словом, хочу показать взросление парня, его переживания.

Не знаю, осилю ли все психологические тонкости. Ну, и всё это, понятно, будет происходить на фоне деревенского быта и прочее. Одобряешь ли сей замысел?

Короче говоря, Миша, решил я посвятить это полугодие прозе. Пусть неудачно будет, но без пользы это не пройдёт.

В остальном жизнь моя идёт по-прежнему. Был я в ЦДЛ на торжественном вечере в честь Армии. Председательствовал Сурков. Выступали Тихонов, Воробьёв, В. Субботин. Он мне особенно понравился и сам собою, и прекрасной новеллой, которую он прочитал. Из военачальников был маршал Конев, тоже очень мне понравившийся. Был приглашён Жуков, но не пришёл из-за болезни. Скоро выйдут его мемуары. Вот бы заполучить! Один из преподавателей литинститута говорил, что читал отрывки и очень высоко оценил их. Написаны, говорит, независимо, прямо, и вместе с тем с большой скромностью и тактом, никакого «яканья».

Недавно я купил мемуары одного генерала, где он говорит о Жукове так: строгий, не любящий лишних слов, быстрый и всегда неожиданный в своих решениях. Немцы никогда не знали, что он выкинет. Вне службы был же прост и разговорчив.

Приходил к нам Винокуров и Казаков, прозаик. Винокуров говорил о поездке в ФРГ и немного о поэзии. Миша, ты читал «Бездну» Льва Гинзбурга? Я читал и в журнальном варианте, и книгу /она недавно вышла и сейчас продаётся/. Это о Краснодарском процессе в 1963 году над полицаями. Всей зондеркомандой юга России когда-то командовал некий Крестман. Сейчас он живёт в ФРГ. Вот с этим Крестманом они там и встречались. Интересно, не правда ли? Об этом Винокуров и рассказывал нам. Другая часть разговора была не менее интересной по своей курьёзности. Как известно, Винокурова считают флагманом, так сказать, «интеллектуальной» поэзии. Он говорил, что перспектива развития поэзии именно в этом направлении. Когда кто-то из наших ребят задал вопрос: а как же Есенин? Ведь его читают больше всех, миллионных тиражей не хватает, то Винокуров, не моргнув глазом, ответил, что Есенин – это самый интеллектуальный поэт, что у него нет никаких эмоций, а всё – мысль. В этом, мол, вся и загадка. Я понимаю и без него, что Есенин мыслил поглубже Винокурова и о дружбе, и о любви, о жизни и смерти, о России, но зачем же зачёркивать его лиризм, от которого душа разрывается? Лишь затем, вероятно, что сам Винокуров так писать не может.

Ю. Казаков мне понравился скромностью и, я бы сказал, робостью. Здоровенный парень, похожий на породистого немца. В дискуссиях, видать, не очень силен. При каждом заданном ему вопросе путался и тушевался.

Ну, вот такие у меня новостишки. А так – сижу больше дома, читаю. Иногда в кинишко хожу, тут рядом есть кинотеатр... Думаю снова бросить курить, но не хватает сил. Прямо закуриваюсь. Губы обжёг.

В «Советской России» сдали в набор без меня. За бортом осталось пять стихотворений. Замечания по ним самые незначительные и, я считаю, нелепые. В «Немом кино» построчных замечаний вообще нет, а не понравилось оно в целом. Оказывается, москвичи и не знают, что это такое, и говорят мне, что, мол, ты тут нагородил с этими шапками. Белиберда, мол, непонятная. Ну, как ещё их убеждать-то? Да, говорю, сплеховал, не продумал. «Бабье лето»

тоже в целом не показалось. А в «Песни о хлебе» сделали замечание, придрались к слову «застолица». Что, дескать, это такое? Такого слова и в русском языке нет, а есть слово «застолье». Неужели непонятно, что «застолье» – это широкое, торжественное, а «застолица» более конкретное, узкое, семейное. Ну, я спорить не стал, а забрал их, перепечатал и отослал Соболеву.

По моим подсчётам и в том, что вошло в книжку, будет больше двух листов, хотя Ермаков и сказал, что сейчас строго смотрят за листажом. А может, он выкинул и ещё что-то, да мне не сказал.

Асламову, моему сокурснику из Хабаровска, рукопись они завернули. Он завёл с ними какую-то тяжбу, принёс новую рукопись, и не знаю, чем у них кончится. Там в изд. у них неприятный человек Дм. Смирнов. С ним вообще невозможно разговаривать – цедит слова через зубы.

Пародии твои мне в общем понравились. Хороша на Цыбина, но я бы, например, убрал вторую строфу. Меньше было бы нагнетения и ярче восприятие, да и слабей она всех остальных. А так пародия хороша.

На Старшинова – послабей, мне кажется. Четвёртая строка первой строфы не совсем точна «днём – есть. И зубы чистить». Я бы, например, написал: «Полезно ночью – спать, а утром – зубы чистить», ибо зубы днём – не характерно как-то. «И не валять с ним Ваньку» что-то тоже мне резануло, хотя логически это всё понятно. Остальное – в норме. Хорошо просмеял пустые вирши Смирнова. Вот такое моё мнение, Миша. Может, ты не согласишься со мной, но я сказал то, что думаю, как мне легло на душу.

Олег мне прислал хорошее письмо, ободряющее. Сказал, что стишок мой пойдёт в альманахе. Я, признаться, не надеялся и дал ему просто так. Это стихотворение «Мы шли вечернею тропой». Оно большое, строк 60. Для «Сибирских огней» так ничего и не подготовил пока, и не знаю, напишу ли что-то до лета.

Путёвки мне на июнь, с 17 числа, так что поеду, наверно, прямо отсюда в Гагры. Хожу принимаю радоновые ванны. Скрип в костях и суставах не проходит, и если не лечиться, то, наверно, это добром не кончится. Врач говорит: скопление солей, зачатки ревматизма, подагры. Болей, правда, никаких нет, а только хруст. Дома чувствовал себя куда с добром, а тут...

Погода в эти дни в Москве отличная – солнце, тепло. Вообще, скоро весна, дело к тому идёт. Сейчас бы пошляться с ружьшком по колкам. Когда стаивают поля, то в колках снег лежит белыми островами, и там любят озоровать куропатки. Они тогда беспечные какие-то, подпускают прямо вплотную. Подойдёшь, а они копаются в снегу. Тут их и бей. Я, честно признаться, ни одной живности не убивал за свою жизнь, но азарт к охоте, когда есть дичь, испытывал не единожды. Это тоже что-то вроде вдохновения, даже более захватывающее, чем поэтическое или картёжное. Вдохновение, видимо, тут не точно, а именно – азарт.

Ну, ладно, Миша. Хорошо поговорили, пора кончать. Надо в столовку бежать. Тоже дело немаловажное. Большой привет Марии Ивановне. С праздником её.

Виктор.

Письмо двадцатое: Миша, здравствуй!

Как живёшь-можешь? Серчаешь? Не надо. Всё это ерунда. Только мешает работать. Я тут в сплошной тоске и заботе – устроили 6 экзаменов и 8 зачётов, и вот надо пыхтеть.

Коля Пискаев прислал письмо, заботится о стихах. Я их просмотрел и отдал Чигарёвой – она собирает все кассетные материалы. Миша, если сроки сдачи рукописи жёсткие, то, может, ты там с Николой поработаешь? Я бы хотел, чтоб он зашёл к тебе, и вы вместе разобрались в тех пометках, которые сделал я на полях. Я выбрал всего 15 стихов, и Коля может подумать, что я подошёл предвзято. Я отбирал по совести, и сильнейшие стихи, а такие у него тогда получаются, когда речь о чём-то конкретном, я брал («Председатели» и др.). А как переходит на общие темы, так – то чужое, то слабое, теряет своё видение. Это только с глазу на глаз ему надо указывать, наверно. А я приеду только числа 15 июля. Мне кажется, надо ему сделать книжку небольшую, но крепкую, в пику всем остальным – это наше, русское. Хотя у тебя тоже сейчас, наверно, времени будет не ахти как много. Свой надо сборник делать.

Я уже подумал, что зря, может, взялся за Пискаева. Ведь ты давно его знаешь, кому как не тебе бы всё это проверить. Не подумай, что я ретируюсь. Просто думаю, тебе бы приятно было, а? Может, возьмёшься? Ведь мы с ним, по сути, не работали ещё, а только я отобрал 15 стихов по своему вкусу, с которым ты, может быть, и не согласишься. С отбором то есть. В общем, смотри там и черкни мне. А нет – вместе посидим. Понимаешь, я, зная, как долго ты с ним работал, чувствую себя неловко в качестве редактора. Будто влез туда, куда меня и не просили. Это я, Миша, от чистого сердца. Сразу-то не подумаешь всего, а потом маешься. Я и ему написал, что, если у него душа клонится больше к тебе, то я это только приветствую.

Ну, сам я тут живу плохо. Единственное, что утешает, это то, что скоро летние каникулы, и можно быть дома, работать, рыбачить и т. д. А тут ещё эти экза... (письмо не окончено. – Прим. Н. Инякиной).

Письмо двадцать первое: Миша, здравствуй!

Получил твоё письмо. Жаль, Миша, очень жаль Толю Саулова. Вот видишь, как получается. Какая нелепость, какая несправедливость! Молодой совсем, полный сил, талантливый. Так и хочется сказать словами Суркова: «А ему бы, весёлому, жить да жить, умирать бы ему к чему?» Да в такое время года. Не вяжется всё это ни с чем, не верится, хотя и сам о себе ничего не знаешь, как не знал и он о своей кончине. В этом и счастье, может быть, людей, что они не знают, когда и что с ними произойдёт. Очень всё это грустно и горько.

Я ещё с утра маялся каким-то предчувствием, что-то мне было не по себе, какой-то озноб, дрожь незнакомая в теле. И вот прихожу домой, получаю от Жени телеграмму. И сразу же почувствовал, что именно ЭТО ночью мучило. С утра и сразу же это неясное предчувствие перешло уже в конкретную боль. Много обдумал за вечер, ночью спал плохо, и только на другой день приехал брат, и я за разговорами развеялся малость. Да, действительно, как никчёмны, мелки и не нужны всякие наши размолвки и ссоры, пусть даже лёгкие, малые.

Зачем, кому они нужны? И так жизнь нелегка и коротка, зачем же отравлять её. Литераторам особенно, кажется, не надо забывать об этом. Кроме нас самих есть немало людей, которые могут, а порою и совсем не прочь, испортить нам настроение. А уж кого – кого, но поэта обидеть легче лёгкого.

Ну, я живу тут всяко. Хорошее настроение бывает редко, почти не бывает. То ли я от природы такой меланхолик, то ли ещё что. Но как-то всё больше грустно и неуютно.

Погода стоит скверная, холод собачий. Ночью минусовая температура, а днём – 5° – 8°. Пальто не взял, надеясь на тепло, и теперь хожу, напялив на себя две тёплые рубашки и плащ. Даже гулять редко выхожу – после прошлых простуд ещё не имею хорошей сопротивляемости простуде. Чуть что – простыл. С завистью слушаю радио: в Сибири 25° – 32° +. Сейчас у меня горячая и трудная пора – экзамены. Уже сдал с горем пополам Зарубежную литературу. Попался вопрос об Артюре Рембо, французском поэте. Сейчас готовлюсь к сдаче эстетики. На днях съездил в Литфонд, получил путёвки с 17 июня. А экзамены у нас до 25-го. Надо упрашивать трёх профессоров о сдаче досрочно (Теория литературы, стилистика и философия). Не знаю, как получится. Если не примут досрочно, то плюну и уеду всё равно. (Пишу, а по окну захлестал холодный крупный дождь с градом, кажется). Ни о какой работе, конечно, и речи быть не может до середины июня. Но это ничего, наверстаю. Не думаю, что всё, что я делаю, зря, не нужно.

В 10-м номере «Смены» дали мои 3 стиха из 5. Я ещё им давал «Иду большой, иду неловкий» и «Бородино», но не дали что-то. Или забраковали по качеству, или по настрою. Но и это – ничего. Я «Бородино» и ещё два стиха отдал в «День поэзии». После звонили, чтоб я принёс что-нибудь из лирики, но я поленился и не отнёс. Не знаю, что там и как. Или они хотели заменить те, что дал, или добавить к ним. Скорей всего, ...забраковали. Ну, и бог с ними. Больше у меня ничего нигде не лежит. Плохо. Были бы стихи – много можно было бы публиковаться, ибо вижу, что окончательных заворотов, отказов мне в журналах, куда ходил, не делали, а везде что-нибудь да выберут. Но вот стихов нет. А если появятся (во что я уже плохо стал верить), то я уеду уже из Москвы. А из Сибири трудно разговаривать.

Был я в ЦДЛ на партсобрании московского отделения, купил книгу лирики Твардовского. Потом подошёл к нему в перерыве и насмелился, попросил автограф. Он спросил – откуда я и что я такое, и сказал: «Подпишу с удовольствием». Подписал. И теперь я всем хвастаюсь, а мне все завидуют. Да и есть чему, правда, Миша?

Издательство мне выслало аванс за рассказ 80 руб. Очень мне это кстати. Надо билеты выкупить до Адлера заранее.

Ну, а остальное всё так, как всегда. Экзамены, судя по первому, будут стоить мне больших нервов. Вот и хорошо будет отдохнуть после всего этого, а потом уже дома, может, поработаю 1,5 месяца. Такая задумка, а как всё пойдёт, не знаю. Книга моя застопорилась в наборе. 6 месяцев пролежала в Электростали, а сейчас отправили в набор в Орёл. Туго и здесь с этим делом. Говорят, скоро должны теперь быть гранки.

Вот, такие, Миша, у меня делишки. Жду не дождусь каникул. Осточертело всё.

Ну, всего тебе доброго. Привет Марии Ивановне и ребятам.

Виктор. 26.V.68 г.

Письмо двадцать второе: *Миша, здравствуй!*

Ну, вот и у нас тут, во стольном граде, начинается, кажется, лето. Вчера была температура до +18°, а сегодня пообещали 20 – 22. Это против предыдущих дней (8° – 12°) очень чувствительно. Только надолго ли?

Стишки в «День поэзии» я больше не понёс. Кто-то сказал, что уже заседала редколлегия, и сверх того, что одобрено, не берут больше. Ну и чёрт с ними. Вот жду не дождусь конца экзаменов. У меня уже всё почти сдано. Остались политэкономия и русская литература – самые трудные предметы. Политэкономия полна всевозможных формулировок, а Р. Л. хотя и знаю в общем-то, но спрашивают то, о чём не думал никто. Т. е. лекции были поверхностны, обзорны, а спрашивают конкретно – образ, скажем, Базарова, Ахметова. Я читал всю русскую классику, но это было где-то 10 – 15 лет тому, и где же я упомяну все эти образы полно, во всех деталях и т. д. Да и кому это нужно? Школярство, больше ничего. Сидят мужики, написавшие самое малое по 4 книги, а им говорят: расскажите о сюжете, что такое сюжет и т. д.

Мне много дают лекции, слов нет. И слушаю с удовольствием то, чего не знаю. Но экзамены считаю ненужными. Готовиться к ним всё равно не готовимся, но всегда чувствуешь какой-то груз за плечами, который не даёт ни работать, ни думать о чём-то своём. Ну, сейчас, слава богу, всё идёт к завершению первого года – 14 июня у меня последний экзамен и 16 улечу, если всё будет благополучно, в Гагры. Там прошёл весной мощный шторм, такой, что разрушил и повредил прибрежные постройки. Пострадал и Дом творчества, хотя берег там семиметровой высоты (Мария Ивановна не даст соврать). А всё оттого, что нет пляжа, а стоит бетонная стена. Пляжи «гасят» волны. Но сейчас восстановили всё, и с 17 июня – только первый в этом году заезд.

Стипендию я не успею получить (её дают 25 только), так что буду несколько стеснён. Правда, выручил Олег Павловский. Он дал на радио мой рассказишко и его тут же пустили в сокращённом виде. Ты, наверно, не слышал. Выслали мне 80 руб. А это как раз на билеты от Москвы до Гагр. Будешь говорить с Н. Н., поблагодари её от моего имени – я не знаю адрес радио, и не смог сделать этого сам. Ещё скажи, Миша, что наказ Анатолия Ник. Срыв /цева/ (текст письма обрывается. – Прим. Н. Инякиной).

Письмо двадцать третье: *Миша, здравствуй!*

Ну, вот я и в Гагре, греюсь на южном солнце, хотя оно и не очень часто появляется. Не везёт. Когда я был в Москве, здесь было жарко, а там холодно. Сейчас же всё наоборот. Но в общем-то тепло, сносно. Семейство моё со мной, и вроде бы довольно.

Купаться не купались, а загорать врачи не рекомендуют подолгу. Так, что приеду, наверно, белым, как с Северного полюса.

Экзамены сдал все на «отлично», и на зачётах отвечал сносно, но умотался. Как-то неприятно чувствовать себя школьником. Теперь уже всё позади, до 25-го я себе дал отдых, а дальше начну что-нибудь мерекать. Наверно, в прозе, ибо ничего поэтического пока «не мелькает». Работать здесь плохо, почти невозможно, потому что шум дичайший (дом у дороги). И потом здесь шумы не гасятся, а наоборот, усиливаются как-то, как в раковине. Хожу, гуляю, дышу свежим воздухом. А в основном маршрут – с кровати да за стол, и наоборот. Читаю детективы разные, лёгкое чтиво, беру в библиотеке. Недавно ходил в кинишко «Верная рука – друг индейцев». Если будет идти у нас, сходи. Многого не приобретёшь, конечно, но посмотришь с удовольствием большим. Кто как, а я такие фильмы смотреть люблю. Особенно когда желаешь себе отдыха.

На днях Олег прислал письмишко сюда. Нового ничего не сообщает, всё, говорит, по-старому у него. Женя в Москве где-то с Мазаем.

Знакомых здесь почти никого нет. Один Леонид Чикин из Новосибирска. Я его вижу впервые вообще, хотя раньше читал его стихи на партийные темы. Близко с ним не сходилась, что за человек, не знаю, хотя, кажется, парень ничего. Внешне он выглядит лет на 5 – 7 постарше меня, а как на самом деле, не знаю. Он здесь с женой (Созинова, поэтесса), она меня и узнала, и познакомила с ним. Она меня видела на совещании у нас в Кем. и в Новосибирске. Чикин спрашивал меня о Волошине, а других наших ребят тоже, видимо, не знает. Ты, наверно, тоже с ним близко не знаком.

Ну, а остальные – из разных мест Союза. Дома я буду числа 11 – 12-го. Узнавал по части самолётов. К нам, оказывается, ходит прямой самолёт через Мин. Воды, Свердловск. Это удобно очень.

Ну, ладно, Миша. Писать совершенно нечего. Усталый какой-то к тому же. Пойду гулять сейчас и обдумывать свою предстоящую работу. Всё ещё неясно, какой-то основной жилки не нащупаю никак.

Ну, будь здоров. Привет Марии Ивановне. Прилечу, может, на рыбалку куда-нибудь сходим, посидим на речке, а? Ну, пока.

Письмо двадцать четвёртое: Миша, здравствуй!

Как жизнь? Какие новостешки у нас дома? У меня тут всё по-прежнему. Была, правда, небольшая разрядка в моём однообразном житье: съездил во Владимир и Суздаль – старинные русские города. Очень интересно, особенно, в Суздале, который объявлен городом-заповедником. Там не ведётся никакого современного строительства, сохраняется всё древнее, даже «погребки» есть – кабачки, стилизованные под старинные кружала.

Сегодня закончил я вчерне, конечно, свою повестушку. Никому ещё не показывал. Чувствую сам: много ещё надо над ней работать. Но пока я устал от неё, пусть она полежит, позабудется малость. Думаю, числа второго буду дома. Обещали нам дать дней десять на праздники.

Да, Миша, письмо твоё с газетной вырезкой, о которой ты говорил, я так и не получил. Не знаю, или не дошло, или дошло, но затерялось уже здесь, в моё отсутствие. Теряется уже второе письмо (от А. Романова со сборником).

Как же там Женя Буравлёв? Он обещал мне зайти, если будет в Москве, но не заходил пока. Может, изменил своё решение трогаться из Кузбасса. В тот день, когда я был у тебя, я видел его в Союзе. Он сказал, что собирается сдавать дела Мазаеву.

Насчёт стихов я у Павловского не выяснял, а рассказ мой идёт в третьем номере. Это я знаю точно, т. к. видел вёрстку и вычитывал сам.

Забегал я также и в издательство, видел Чигарёву, представился, так сказать, новому главному. Она мне сказала, что вместо неё (в отделе поэзии) сидит теперь Махалова жена. Так ли это, не знаю, сам не видел. Спросила она меня, не буду ли я сдавать заявку на свою эту повестушку на 70 г. Я сказал, что не уверен, получится ли она у меня, поэтому о заявке говорить рано. А вообще, сглупил, кажется. Надо было на всякий случай застолбить. Думаю, что это ещё не поздно исправить. Даже если придётся сильно перелопачивать повесть. Времени-то достаточно, верно?

В «Сов. России» пока ничего не известно. Набирают в Орле. Говорят, нажмём в последнем квартале года. Пока что имеется вёрстка В. Казанцева, а он на полгода сдавал раньше меня. Вот такие дела.

Погодица здесь сквернейшая. Вчера был туман и дождь, сегодня вроде подморозило. Лучше бы уж морозец. Дома-то, наверно, благодать?

Ну, ладно, Миша. Покеда. Если вздумаешь мне черкнуть, то пиши сразу по получении письма, тогда успеет..., застанет меня тут. Ну, а не напишешь – ладно, скоро встретимся дома, если всё будет хорошо. Числа 3-го наведаешься ко мне, поболтаем.

Всё. До свиданья. Привет Марии Ивановне.

21.X.68 г.

Ну, вот и всё. Перевернута последняя страница последнего письма. Оставляю читателя наедине с его раздумьями о жизни творческой личности, о дружбе и профессиональном сотрудничестве двух таких разных и, в то же время, таких похожих людей, какими были и останутся в нашей благодарной памяти два поэта, две личности: Михаил Александрович Небогатов и Виктор Михайлович Баянов.

Многое роднило их при жизни. И сейчас оба они гордились бы тем, что библиотеки на их малой родине – в Гурьевске и Топках – носят теперь их имена. А значит, будут жить герои их произведений, будет жива память и о них самих, как о ярких и самобытных представителях кузбасской и российской литературы.

Закончить эти свои записки хочу тем же, с чего и начала – стихотворением М. Небогатова, которое посвящено другу – поэту (и вполне вероятно, что именно Виктору Баянову):

МОЙ ДРУГ

*Не умеет он делать карьеру,
Мой простой и застенчивый друг.
Щепетильный, быть может,
не в меру,
Пофорсить не выходит на круг.
Презирает он тех, кто в экстазе*

*В грудь хвастливо стучит кулаком,
Кто заводит полезные связи,
Чтобы славы достигнуть рывком.
Пусть кому-то тщеславья отрава –
Словно гостья желанная в дом.
Знает он: настоящая слава*

*Добывается только трудом.
И работает он помаленьку
По высоким, большим образцам.
И не к славе он ищет ступеньку,
А к людским драгоценным сердцам.
Чем труднее даются успехи,
Тем дороже, отрадней они.*

*Ну, а шумной рекламы доспехи
Для него побрякушкам сродни.
Он идёт по дорогам тернистым
И в своей правоте убеждён...
Нет, не будет мой друг
карьеристом,
Потому что поэтом рождён.*

*(Стихотворение было опубликовано в областной
молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса».
– 1966. – 4 сентября).*

Нина Инякина, г. Кемерово.